

124
106
Священникъ С. Соколовъ.

ПРОЩЕНЫЙ ДЕНЬ.

(ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ДѢТСТВА).

ХАРЬКОВЪ.
Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья улица, д. № 14-й.
1910.

124
106

Священникъ С. Соколовъ.

ПРОЩЕННЫЙ ДЕНЬ.

(ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ДѢТСТВА).

ХАРЬКОВЪ.
Типографія „Мирный Трудъ“. Двѣичья улица, домъ № 14.
1910.

ПРОЩЕНЫЙ ДЕНЬ

(Изъ воспоминаний детства)

ПРОЩЕНЫЙ ДЕНЬ.

(Изъ воспоминаний детства).

I.

Раннее утро. Я просыпаюсь отъ свѣта, который бьетъ мнѣ въ глаза, отъ какого-то шороха и старческаго кашля. Мнѣ не хочется открыть глаза, но въ нихъ стоятъ яркіе радужные круги, которые дрожатъ, сталкиваются другъ съ другомъ, расплываются, потухаютъ, опять загораются, опять дрожатъ и прыгаютъ. Наконецъ, отъ напора яркаго свѣта вѣки сами собой открываются. Свѣтъ исходитъ отъ лампы на чемъ-то высокомъ, а это высокое поставлено на лежанку, около небольшой квашни, въ которой у насъ „ставили“ блины. Бабушка, снявши съ квашни то, чѣмъ она обвязана, смотритъ внутрь квашни, потомъ сосредоточенно качаетъ головой. Лампа ярко освѣщаетъ всю комнату, особенно генерала Бебутова на картинѣ, какъ разъ противъ самой лежанки. Генераль Бебутовъ молодцовато сидитъ на конѣ, откинувшись назадъ и запрокинувъ голову, широко размахнувъ правой рукой, въ которой обнаженная шашка, а лѣвой туго натянувъ поводья; сѣрый конь взвился на дыбы, огромныя копыта его переднихъ ногъ высоко поднялись надъ длиннымъ рядомъ синихъ солдатиковъ.

Въ окнѣ спальни никакихъ признаковъ разсвѣта; темная ночь глядитъ оттуда, и на свѣту лампы ярко бѣлѣютъ снѣжныя пятна, которыми усеяно окно снаружи,—такъ бываетъ послѣ метели. За стѣной еще гудеть вѣтеръ, похлопываетъ гдѣ-то ставня, уныло скрипя на заржавленныхъ петляхъ. Отъ всего этого еще больше хочется закутаться одѣяломъ и заснуть. Дѣдушка, съ которымъ я сплю рядомъ, прос-

нулся, громко и съ отяжкой зѣваетъ, приговаривая:— „о-о-хъ, Господи, помилуй!“—Бабушка стучитъ суставами пальцевъ въ стѣну, за которой находится кухня.— „Нѣшто скоро теперь ее раскатаешь!“—ворчитъ она.

— А-а-а-а, Господи, помилуй! Господи, помилуй!—зѣваетъ дѣдушка.—А ты, мать, постучи посильнѣй. „Она“ теперь пригрѣлась на печкѣ. Поди-ка, встань теперь на холодъ...—Бабушка стучитъ еще и какъ будто съ сердцемъ. За стѣной послышалась возня. Кто-то какъ будто спрыгнулъ сверху. Жалобно запищала кухонная дверь, съ силой отдернули дверь къ намъ, въ „горницу“, и въ прихожей что-то зашуршало, загремѣло: кухаркина шуба, мокнувшая подъ дождемъ и снѣгомъ и высухавшая на печкѣ, всегда шуршала и гремѣла. На свѣтъ вышла Марья (у насъ все кухарки были Марьи) въ шубѣ, надѣтой въ одинъ лѣвый рукавъ, съ заспаннымъ лицомъ, на которое съѣхалъ красный платокъ, кое-какъ затянутый въ одинъ узелъ. Марья остановилась въ проходѣ двери въ спальню, почти не открывая глазъ. Лицо ея какъ будто навсегда напичталось сажей, которую, кажется, невозможно отмыть.

— Ну, что-жъ ты стоишь?—обращается къ ней бабушка.—Давай муку! Скоро къ заутренѣ, а мы еще блины не „поторяли“.—Марья сладко зѣваетъ, закрывая ротъ угломъ шубы, подъ которымъ спрятана правая рука, движеніемъ плечъ чешетъ спину и молча направляется къ двери. Въ сѣняхъ слышно хлопанье дверями, отпиранье и запиранье замковъ. Бабушка съела на сундукъ, опершись на него руками и углубившись въ какія-то соображенія; потомъ она зѣвнула и, крестя ротъ и еще не кончивъ зѣвоты, прерывающимся голосомъ обратилась къ дѣдушкѣ:— „ты, отецъ, съ обѣдней не снѣши, дай намъ блины наладить къ обѣднѣ: да теперь и по селу бабы не управились“...

— Что съ вами подѣлаешь! Все отъ бабъ зависитъ: наше дѣло подначальное,—шутитъ дѣдушка.—Теперь того и гляди Петровичъ придетъ за ключами. Вели ты тамъ калитку отпереть, а то у васъ замерзнешь—не достучишься.—Молчаніе. За окномъ шумитъ вѣтеръ. Въ сосѣдней комнатѣ стучатъ часы. Отъ шороха и движенія проснулася кошка на лежанкѣ. Она всегда тамъ спитъ, забравшись туда еще въ сумерки. На лежанкѣ всегда кладутся на ночь ва-

ленные сапоги, чулки, различныя фуфайки. Иногда, въ сильные морозы, бабушка, чтобы сберечь тепло, укрываетъ на ночь лежанку одѣяломъ. Забравшись во всю эту теплую мякоть, свернувшись кольцомъ и спрятавши голову, кошка спитъ очень сладко. Теперь она подняла голову и, шурясь на огонь, стала мурлыкать, потомъ стала лизать лапку и „умываться“.

— Что-то кошка умывается,—тихо говоритъ бабушка.

— Чего?—отзывается съ кровати дѣдушка.

— Какой ты, отецъ, сталъ глухой! Кошка, моль, умывается. Должно быть, гостей чуетъ: придутъ вечеромъ прощаться.

— И охота тебѣ, мать, всякіе пустяки примѣчать. Займись лучше блинами.

— Займись, займись...—ворчитъ вполголоса бабушка.—Вотъ, она пошла и пропала,—теперь жди ее,—провалилась, совсѣмъ провалилась...

— Кто провалился?—спрашиваетъ дѣдушка.

— Марья,—говорю.

— Куда провалилась? неужто въ подвалъ? ай-ай-ай!

— Эхма,—совсѣмъ сердится бабушка,—Марья пропала, а онъ—въ подвалъ!

— Да она, видно, опять забралась на-печь и спитъ себѣ. Ха-ха-ха,—благодушно хохочетъ дѣдушка,—молодецъ-баба! Чѣмъ бы муку нести, а она на-печь завалилась...

— Тебѣ смѣхъ,—обидчиво говоритъ бабушка;—а какъ блины будутъ плохи, небось брови надвинешь.

— Это,—чтобы ты не зазнавалась. Вашей сестрѣ только дай поблажку! У насъ, въ семинаріи ректоръ Арсеній говаривать: „жену люби, а все-таки давай ей знать, что ты больше ея“. Вотъ какъ!

— Больше ея,—передразниваетъ бабушка, скрививши ротъ.—Ты, видно, только это и упомянуть изъ семинаріи,—начинаетъ она сама подзадоривать.

— „Не созданъ бысть мужъ жены ради, но жена мужа ради“,—наставительнымъ тономъ говоритъ дѣдушка.

— Эхъ, только бы нынче не прощенный день, а то прочила бы я тебя съ твоимъ Арсеніемъ, оставила бы я тебя безъ блиновъ... Вотъ тогда и разбирай, кто больше, кто меньше.—Бабушкѣ самой становится смѣшно, и она зали-

вается беззвучнымъ хохотомъ, трясаясь всею тѣломъ, кашля и утирая выстучившія отъ смѣха слезы.

— Охъ, Господи, согрѣшишь съ этими бабами,—говоритъ дѣдушка и съ кряхтѣньемъ начинаетъ вставать съ постели. Бабушка опять стучитъ въ стѣну, за стѣной опять кто-то прыгаетъ сверху, опять въ сѣняхъ нищаютъ и стонутъ двери. Въ горницѣ появляется Марья.

— Гдѣ же мука?—спрашиваетъ бабушка.

— Какая мука?—съ недоумѣніемъ спрашиваетъ Марья Бабушка, не произнося ни слова, укоризненно качаетъ головой. Марья отчаянно зѣваетъ и, точно встряхнувшись, припоминаетъ:—„о, мука-то?... мука въ кухнѣ. Какъ вы давеча сказали, такъ я и принесла ее изъ чулана“.

— Да вѣдь я тебѣ сюда велѣла принести, а ты взяла да завалилась опять спать!

— Спать?! Что вы, матушка! Я почитаю всю ночь-то ноченскую не спала, а вы—спать! Задремлю, задремлю, опять проснусь, опять проснусь... Душитъ меня, душитъ, подкапываетъ подъ-сердце; страхъ меня одолеваетъ. Вотъ, слышу-слышу: кто-то по сѣнямъ ходитъ—самъ кашляетъ: кха! кха! А то будто къ воротамъ на тройкахъ подѣхали, съ колокольцами, съ бубенцами, тирру!.. Всею я поченьку, милые мои, такъ промаялась.

— Это у тебя отъ блиновъ,—замѣчаетъ дѣдушка.

— Охъ, баба, что мнѣ съ тобою дѣлать!—глубоко вздыхаетъ бабушка.—Ну, давай муку!—Кухарка, совсѣмъ уже вышедшая изъ соннаго состоянія, бросается въ кухню и сейчасъ же возвращается, держа въ рукахъ савокъ съ мукой.

— „Ну-ка, свѣти сюда“,—говоритъ бабушка, наклоняясь къ блинамъ. Марья правой рукой высоко подняла лампу надъ квашней, а въ лѣвую взяла савокъ. Бабушка захватила съ савка полную пригоршню муки.—„Господи Иисусе Христе“,—шепчетъ бабушка и осторожно опускаетъ пригоршню въ квашню; оттуда поднимается мучная пыль.—„Господи Иисусе Христе“,—опять шепчетъ бабушка и, вооружившись маленькою лопаткой, умѣлою рукой начинаетъ мѣшать тѣсто. Лѣвою рукой она придерживаетъ верхъ лопатки, а правую кружитъ лопаткой въ квашнѣ; потомъ перемѣняетъ руки и начинаетъ взбалтывать тѣсто, звучно шлепая по немъ лопаткой. Даже кошка перестала умываться и, принявши по-

койную позу, стала наблюдать за дѣйствіями бабушки. Бабушка почему-то обращаетъ вниманіе на кошку:—„ты чего глядишь? брысь!“...—Кошка тихо поднялась на ноги, выгнула спину, лѣниво потянулась и, мягко спрыгнувши на-полъ, беззвучно пошла въ прихожую. Но векорѣ она опять пришла, вспрыгнула на лежанку и усѣлась на прежнемъ мѣстѣ. У Марьи опять начинаютъ слипаться глаза, рука съ лампой опускается, лампа наклонилась на-бокъ, изъ савка посыпалась мука.

— „Марья, ты опять спишь?“—строго окликаетъ ее бабушка:—„ты мнѣ керосину нальешь въ блины“.—Марья вздрагиваетъ всею тѣломъ, откашливается, отвернувшись въ сторону, чтобы показать, что она вовсе не дремала, и, нахмуривши брови, сосредоточенно глядитъ въ кадку съ тѣстомъ.

Блины, наконецъ, приведены въ надлежащій поринокъ. Бабушка пальцемъ очистила тѣсто съ конца лопатки, передала ее Марьѣ, перекрестила кадку, обвязала и укрыла ее, и подвинула на теплое мѣсто лежанки. Марья ушла въ кухню. Бабушка сѣла на сундукъ и опять погрузилась въ какія-то размышленія. Потомъ она зѣвнула, оправила подъ платкомъ волосы и тихо заговорила, какъ будто сама съ собой:

— Мнѣ тоже всю ночь сны свились. Вотъ, будто куда-то все ѣду, ѣду... то на лошадахъ, то на паромѣ черезъ рѣку... Вотъ, тянемъ,—а народу много,—тянемъ кашать, все измучились, а паромъ ни съ мѣста... Потомъ... потомъ... что бишь потомъ? а-а-а,—бабушка зѣваетъ,—потомъ все спуталось... И ужъ будто принесла я съ рѣчки холсты и хочу ихъ разстелить въ саду, на травѣ. Стелю я, а откуда ни возьмись дьячиха Мартыновна и давай у меня ихъ вырывать. Я стелю, а она вырываетъ, я стелю, а она вырываетъ... Охъ, Господи, грѣхи наши тяжкіе!—вздыхаетъ бабушка,—зимняя ночь-то тянется точно годъ, сколько разныхъ сновъ перевидаешь, и къ чему все это?!

— Холсты видѣть, маменька, это—къ дорогѣ, дорога предстоитъ,—говоритъ изъ сосѣдней комнаты за перегородкой моя мать.

— Вотъ, придетъ ночь—и сны перестанешь видѣть,—говоритъ дѣдушка, сидя на постели. Молчаніе.—А я,—про-

должнасть дѣдушка,—видѣлъ во снѣ преосвященнаго Гавриила... Приѣхалъ онъ на Выселки, а я—благочинный, и будто опоздалъ... И никакъ я не могу надѣть камиллавки: хочу-хочу надѣть, а она не лѣзетъ... А владыка и говорить мнѣ—таково серьезно говорить: „что же ты, о. благочинный, опоздалъ?“—Дѣдушка, когда передаетъ слова архіереевъ, то говорить величественно, съ важностью и на „о“.—Такъ у меня морозъ по кожѣ и пошелъ...

— Ну, отецъ, ты только и видишь во снѣ, что архіереевъ,—говорить бабушка.

— А ты все—дьячиху да холсты,—смѣется дѣдушка.

Кряхтя и шепча молитву, дѣдушка топчется по комнатѣ, тяжело передвигая ноги въ валеныхъ сапогахъ, роется въ углу, гдѣ навѣшено платье, лазить въ карманы, говоря иногда вслухъ—„нѣтъ, не то, не то“,—потомъ идетъ умываться; онъ громко отфыркивается, плещетъ водой, плепал по лицу, кашляетъ.—„Ну, ты, мать, прости меня... Мы съ тобой много лишняго наболтали и нагрѣшили, а мнѣ—служить“...—говоритъ онъ, утираясь полотенцемъ и тщательно протирая между пальцевъ.

— Богъ тебя проститъ,—кротко говоритъ бабушка,—ты меня прости.

Дѣдушка зажигаетъ свѣчу. Свѣча плохо разгорается, и дѣдушка тихо поднимаетъ ее и опускаетъ, потомъ, защитивши огонь лѣвой рукой, направляется въ залъ. Половицы скривить подъ нимъ. „Э—ге—ге,—слышно оттуда,—три... четыре... половина пятого! А вотъ, Ивана-то все и нѣтъ... все и нѣтъ... Господи, прости и помилуй меня грѣшнаго!“ Дѣдушка зажигаетъ лампадку и готовится читать правило. Въ залѣ, въ переднемъ углу у насъ—большая икона Спасителя на полотнѣ. Предъ Спасителемъ стоитъ на столѣ чаша съ виномъ, въ лѣвой рукѣ Онъ держитъ хлѣбъ, а правую поднять для благословенія. Глаза Спасителя устремлены къ небу. Я люблю глядѣть на эту икону, когда по вечерамъ, подъ праздники она освѣщена лампадой. Сидишь себѣ на диванѣ въ темномъ углу, и никто тебя не видитъ и не слышитъ. Одинъ Спаситель все видитъ и все слышитъ, и приятно это, что Онъ все видитъ и все слышитъ. Вотъ, на колокольнѣ сторожъ рѣдко и протяжно прозвонилъ часы. Мирно и тихо въ комнатѣ, при мерцаніи лампады предъ

Спасителемъ; мирно и тихо тамъ, откуда донеслись звуки колокола,—на колокольнѣ; мирно и тихо теѣрь и въ самой церкви, наполненной темнотой и священной тишиной.

Дѣдушка надѣлъ очки и взялъ канонникъ. Канонникъ—маленькая и очень толстая книжка въ кожаномъ черномъ переплетѣ; она кажется въ толщину больше, чѣмъ въ длину и ширину. Листы въ ней такъ захватаны, что внизу, въ углахъ, стали черные, совсѣмъ не шелестятъ,—стали мягки, какъ тряпка; они все испещрены кружками воску и такъ слиплись между собою, что дѣдушка долго слѣнитъ пальцы передъ тѣмъ, какъ перевернуть страницу. Когда я еще только учился читать, то очень часто, открывши этотъ канонникъ, читалъ первую страницу: „Во славу Святыя, Единосущныя“... Съ великимъ напряженіемъ я разбиралъ: „при Королевѣ Виртембергской“, „при Королевѣ Нидерландской“, и уже совсѣмъ ничего не понималъ, когда добирался до конца: „въ лѣто отъ сотворенія міра... Индикта“... У дѣдушки лицо ласковое и кроткое, но, когда онъ беретъ этотъ канонникъ, надѣваетъ очки и читаетъ правило, то оно дѣлается серьезное и строгое, глаза дѣлаются какіе-то бѣлые и расширяются. Въ домѣ тогда ходятъ на цыпочкахъ, разговариваютъ шепотомъ, отворяютъ и затворяютъ двери тихо и осторожно. „Дѣдушка правило читаетъ“!—разносится тогда по всему дому. И когда дѣдушка, кончивши правило, завернетъ канонникъ въ старенькую епитрахиль и положитъ на столъ, подъ иконы, я боюсь брать въ руки этотъ свертокъ, отъ котораго, мнѣ кажется, и пахнетъ по-церковному.

Сначала дѣдушка читаетъ шепотомъ, потомъ—громче и громче. „Напрасно судія придетъ, и коегождо дѣянія обнажатся, но страхомъ зовемъ въ полунощи“... „Въ полунощи“—это, мнѣ кажется,—тамъ, за окнами, откуда въ комнату глядятъ морозъ, снѣгъ, ночь... Когда нужно повторять „Господи помилуй“ много разъ, дѣдушка иногда сходитъ со своего мѣста, смотритъ чрезъ окно въ темноту, тутъ же замѣчая: „еще не разсвѣтаетъ“, а то подходитъ къ часамъ и смотритъ на нихъ, а самъ повторяетъ: „Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй“, и даже уходитъ за чѣмъ-нибудь въ другую комнату, на-ходу все повторяя: „Господи помилуй“.

Въ сосѣдней комнатѣ, за перегородкой совсѣмъ про-

судась моя мать и громко спрашиваетъ: „не ударяли еще къ заутренѣ“? Но, заслышавши монотонное дѣдушкино чтеніе, она замолкаетъ и начинаетъ вставать съ постели. Миѣ не хочется разставаться съ теплою постелью, но я боюсь опоздать: какъ ударять въ колоколь, дѣдушка не будетъ ждать ни одной минуты, а одинъ идти я боюсь. Ловкимъ движеніемъ я прыгаю съ кровати прямо на лежанку, чтобы тамъ не было такъ холодно обуваться и одѣваться. Кошка, испугавшись меня, прыгаетъ съ лежанки черезъ голову бабушки.—„Охъ, малый,—укоризненно-сердито шепчетъ бабушка, качая головою,—изувѣчишься ты когда-нибудь на-смерть, расшибешь свою головушку... вотъ и меня на-смерть кошкою испугалъ“.

Стучать у воротъ. Бабушка прислушивается, вытянувши испуганное лицо и открывши ротъ. Марья, которая оказалась въ темнотѣ прихожей, и про которую какъ будто все забыли, быстро спохватывается и опростелью бѣжитъ въ сѣни. Слышно, какъ она отпираетъ двери и съ кѣмъ-то разговариваетъ. За дверью кто-то возится и царапаетъ, ища ручки. Входитъ нашъ псаломщикъ Иванъ Петровичъ, внося съ собою много свѣжаго воздуха. Онъ обиваетъ сѣбѣ съ валежокъ, ударяя одной о другую, утираетъ усы и бороду, молится на иконы и тихимъ кашлемъ даетъ знать о своемъ присутствіи.

— Доброе утро! Съ прощеньемъ днемъ васъ!—робко бормочетъ онъ изъ прихожей.

— Это ты, Петровичъ?—говоритъ дѣдушка изъ зала.— Много ли снѣгу намело?

— Хоть съ лопатой иди да отгребай! Это ужъ такой февраль—мѣсяць, и прозванье ему—кривья дороги.

— Что, Иванъ Петровичъ, хороши ли блины у васъ?—спрашиваетъ бабушка изъ спальни. Бабушка всегда любитъ разговаривать съ псаломщикомъ, когда онъ приходитъ за ключами къ заутренѣ.

— А кто-жъ ихъ знаетъ! Видимъ вотъ ужъ дѣлую недѣлю. Поскорѣ бы постъ... А то изжога замучила: послѣ отдыха встанешь—во рту пересохло, скорѣй квасъ пить... голова дурная, въ животѣ тягость—мѣста не найдешь.

— И кто это масляницу выдумалъ!—говоритъ бабушка, впадая въ тонъ Петровича.

— Такъ ужъ испоконъ—вѣковъ положено! не мы первые—не мы послѣдніе,—тихо говоритъ Петровичъ, вздыхая и глядя на свои ноги.

Дѣдушка кончилъ правило и идетъ въ прихожую, забывши снять епитрахиль. Петровичъ подходитъ къ дѣдушкѣ подѣ благословеніе и цѣлуетъ руку, низко наклонивъ голову, на которую наваливается приподнятый воротникъ тулупа. Петровичъ откидываетъ его назадъ и стоитъ въ выжидательной позѣ, перебирая одною рукою шапку, а другою прилаживая ея мокрую отъ растаявшаго снѣга опушку.— Ударить что-ли?—почтительно спрашиваетъ Петровичъ и, получивши утвердительный отвѣтъ отъ дѣдушки, направляется къ двери.

— Что, есть еще кормъ-то?—спрашиваетъ дѣдушка, отыскивая рясу и не замѣчая, что онъ въ епитрахили. Петровичъ, отворившій было дверь, тянетъ опять ее къ себѣ и, не снимая шапки, останавливается на порогѣ.—„Перебиваемся кое-какъ,—уныло отвѣчаетъ онъ.—Гдѣ струшонку? даешь, гдѣ колосъ, гдѣ овсяной солодки... До средокрестной кое-какъ дотинемъ, а тамъ—что Богъ дастъ... Вотъ за эти холода-то много корму вышло: вѣдь она, скотинка-то, въ холодъ больше корму ѣсть“.—Послѣднія слова Петровичъ проговорилъ уже въ сѣняхъ, потомъ затворилъ крѣпко дверь, и слышно стало, какъ онъ заканцелялъ въ сѣняхъ и загремѣлъ дверью.

— Что же ты, отецъ, епитрахиль-то не снимешь?—говоритъ бабушка.

— Э-э, и въ самомъ дѣлѣ,—спохватывается дѣдушка, оглядывая себя и снимая епитрахиль.

— Вотъ что значить старость-то! Скоро домой въ облаченіи станешь приходить... Слыхалъ я: въ городѣ у Бориса и Глѣба дьяконъ такъ въ стихарѣ домой и пришелъ.

Вотъ загудѣлъ и колоколь. Глухо проникающій чрезъ занесенныя снѣгомъ окна, благовѣсть сразу точно все преобразуетъ въ комнатѣ. Иконы, стѣны, окна, люди становятся какъ будто другіе. Низкіе потолки какъ будто поднимаются, стѣны раздвигаются, все точно прислушивается... Все стало величественное и торжественное; лампадка какъ будто ярче вспыхнула, икона стала радостною и сіяющею.

Важная солома, перемѣшанная съ снѣгомъ...

И ужь, кажется, нельзя оставаться въ этихъ стѣнахъ, а нужно—туда, откуда слывятся эти торжественные звуки. Крихтя, откашливаясь и шепча молитву, дѣдушка идетъ въ дверь, я—за нимъ. Въ сѣняхъ колоколь звучище, а за воротами благовѣсть точно ударила намъ въ лицо, вмѣстѣ съ морознымъ, утреннимъ воздухомъ. Вѣтеръ утихъ, метель унялась, на небѣ разчистило. Еще темно, но слабый предъутренній свѣтъ уже вездѣ проникъ и все собою наполнилъ. Небо посвѣтлѣло, и на немъ ясно обрисовываются и высокая, гордая колокольня, и молчаливыя деревья, и остроконечныя бѣлыя крыши крестьянскихъ избъ. И на улицѣ отъ благовѣста все торжественное и величественное. Все прислушивается: слушаетъ опрокинувшееся надъ бѣлою землей огромное небо, слушаетъ сама себя, радостная и торжественная, колокольня, слушаетъ морозная, еще невидимая, снѣжная даль... Дѣдушка идетъ впереди меня, въ предъутреннемъ свѣтѣ кажущійся огромнымъ. Онъ старается держаться на узкой дорожкѣ, на которой снѣгъ не такъ глубокъ, и на которой Петровичъ оставилъ круглые и глубоки слѣды. Но дѣдушка то-и-дѣло сбивается въ стороны, утопая въ снѣгу то правой, то лѣвой ногой и подавая мнѣ изъ воротника рясы глухія, отрывочныя слова: „держись правѣ!.. лѣво“!.. Въ окнахъ крестьянскихъ избъ ярко пылаетъ пламя отъ затопленныхъ печей; пламя дрожитъ и колеблется на разрированныхъ морозомъ и до половины занесенныхъ снѣгомъ окнахъ. Пахнетъ блинами. У церковной ограды смутно чернѣютъ лошади и сани. Слышно, какъ лошади жуютъ кормъ, фыркаютъ и позваниваютъ маленькими колокольчиками. Это—изъ деревень прѣѣхали къ заутренѣ. У боковой калитки въ оградѣ всегда наметаетъ высокій сугробъ, иногда выше самой ограды. Но около самой калитки снѣгъ ложится правильной полукруглой стѣной, образуя котловину и оставляя самый проходъ свободнымъ. Нужно спускаться въ эту полукруглую яму и, рискуя стукнуться лбомъ о верхнюю перекладину калитки, пройти въ ограду. Я всегда боюсь этого мѣста и прохожу его вечеромъ или ночью съ замираніемъ сердца, а если—одинъ, то обхожу ограду вокругъ. Дочь Петровича рассказывала: „выхожу это я изъ ограды,—а ужь—вечеромъ,—и хочу подняться на бугоръ... и что же, милые вы мои? Слѣва отъ меня... на сугробъ... какой-то

высокій... бѣлый... да какъ гаркнетъ на меня: га!.. да какъ звякнетъ странными зубищами!.. Родимые мои! Чуть не умерла я тутъ... домой пришла—вся трясусь: з...з...з...“. Въ оградѣ пустынно и жутко. Намогильные кресты и памятники уныло и молчаливо торчатъ изъ сугробовъ. Мнѣ все кажется, что кто-то хватаетъ меня сзади. Если—вѣтеръ, то ангелъ съ трубой на угловой башенкѣ ограды повертывается туда и сюда, и ржавое желѣзо издаетъ тоскливые и унылые звуки. Ужь поскорѣе бы пройти оградой! а дѣдушка останавливается, молится на церковь и, стоя безъ шапки, кланяется могиламъ и что-то шепчетъ... Но вотъ и паперть. Тутъ весело и не страшно: входятъ люди, и свѣтло, такъ что отчетливо видно двухъ большихъ ангеловъ, которые сидятъ по сторонамъ входныхъ дверей и въ длинныя и узкія рукописанія записываютъ, кто и съ какими мыслями входитъ въ церковь. На паперти все охраниваются, очень громко сморкаются, кашляютъ, очищаютъ отъ снѣга ноги, молятся, хлопаютъ дверями.

II

Въ церкви народу не очень много, какъ всегда на прощennyй день. Кое-кто уже стоитъ на своихъ мѣстахъ. Противъ Николая Чудотворца (за правымъ клиросомъ), который въ одной рукѣ держитъ маленькую церковь, а въ другой—мечъ, стоитъ старый и высокій Петръ Михайловъ. Онъ прочно утвердился на своихъ длинныхъ и широко поставленныхъ ногахъ, обутыхъ въ огромные лапти. Онъ всегда становится близко къ клиросу, потому что любитъ напередъ громко шептать то, что будутъ произносить священникъ и дьяконъ, и что будутъ пѣть на клиросѣ. Недалеко отъ Петра Михайлова, ближе къ иконамъ, стоитъ Кузьма Григорьевъ. Черезъ него передаютъ свѣчи къ иконамъ. Свѣчами то-и-дѣло ударяютъ по овчинному полушубку Кузьмы Григорьева. Онъ въ-польборота кланяется, принимая свѣчу, потомъ ставитъ ее сразу, а отъискавши ей мѣсто на подсвѣчникѣ, для чего иногда снимаетъ маленькія свѣчки и дуется на нихъ или гаситъ огонь пальцами. Вонъ, ближе къ сѣверной алтарной двери стоитъ Иванъ Алексѣевъ, склонивъ по своей привычкѣ голову набокъ. Онъ во всегдашнихъ непосильныхъ

трудахъ для своей большой семьи, и лицо у него изможденное землистое, а волосы точно прилипли отъ поту къ головѣ; мнѣ всегда его очень жалко. Онъ молится усердно и сокрушенно, не отводя глазъ отъ иконы, постоянно кланяется въ землю, касаясь лбомъ холоднаго пола, опираясь на суставы пальцевъ и широко разставивъ поднятые кверху локти рукъ. Народъ подходитъ по-немногу. Мужики и бабы долго молятся иконамъ, кланяясь въ землю, потомъ кланяются въ-поясъ на все стороны, опять молятся иконамъ. У задней стѣнки, гдѣ гордый фарисей, до половины туловища затертый спинами, высоко поднятъ правую руку, а мытарь опустилъ голову на грудь, размѣстившись на длинной скамьѣ старики, прѣхавшіе изъ деревень и отогрѣвающіеся у печки. Тамъ—громкій старческій разговоръ, кашель, громкое растирание на полу ногой, протяжное зѣванье. Въ одномъ углу говорятъ, что вотъ масляница прошла, а зима позадержалась: чѣмъ будемъ скотину кормить?.. Въ другомъ мѣстѣ старикъ Артамонъ съ большимъ, умнымъ лбомъ и серьезными вдумчивыми глазами, имѣющій свой пчельникъ, авторитетно повѣствуетъ, что старшину безпремѣнно нужно высадить, что онъ отъѣлся, а страху Божьяго въ немъ нѣтъ, и православный народъ онъ обижаетъ.. У самой печки слѣпой дѣдъ Ларивонъ, который въ молодости обонялъ „всю Рассею“, а теперь, не смотря на свою слѣпоту, оцупью починаетъ стѣнные часы, объясняетъ, устремивши безцвѣтные глаза въ пространство, что есть такія горы, изъ которыхъ течетъ горячая вода, что „въ этихъ самыхъ мѣстахъ“ лѣчатъ „ревматизму“ и всякія колотья...

Полумракъ и тишина между двухъ придѣльныхъ алтарей, у закрытой на-зиму арки въ холодную церковь. Въ этомъ тихомъ и уютномъ углу церкви находится рѣзное изображеніе Спасителя „въ темницѣ“, помещенное въ особенномъ стеклянномъ шкафу. Закрытый до самой шеи газетовой пеленой, со склоненной на-бокъ головой въ терновомъ вѣнцѣ, съ каплями крови на лицѣ—Спаситель глядитъ изъ „темницы“ скорбный и грустный. Лампада, которую затеплил старенькій и лысенькій сторожъ Абрамъ, еле разгоняетъ сгустившійся вокругъ мракъ. Нѣсколько женскихъ фигуръ выдѣляются въ полумракѣ: онѣ уже усердно молятся. Мать меня спрашиваетъ, прикладывался ли я къ „Спасителю въ

темницѣ“, и я всегда захожу въ этотъ темный уголокъ церкви. Немножко со страхомъ подхожу я прикладываться, трепетною рукой отворяю стеклянное оконечко,—откуда пахнетъ особеннымъ церковнымъ запахомъ сырости, деревяннаго масла, шарчи,—и цѣлую холодные кончики ногъ Спасителя, потемнѣвшіе оттого, что ихъ цѣловали тысячи устъ.

Дѣдушка въ алтарѣ смотритъ въ „Уставъ“, большую, старую книгу, которая всегда лежитъ на окнѣ, и въ листахъ которой попадаются то вѣнчики для умершихъ, то клочки сѣрой бумаги съ записями и помѣтками: „за Михайломъ Косорукимъ за крестины осталось, паба скраю“, „по Домиѣ—кузнечихѣ 40-й день на пестрой недѣлѣ въ среду“.. Книга раскрыта въ томъ мѣстѣ, гдѣ наверху написано: „послѣдованіе стѣя м-цы“. Я хорошо знаю, что это значитъ „св. м-цы“ (св. четырехдесятницы), и мнѣ всегда скучно отъ этого „м-цы“. Дѣдушка просматриваетъ Уставъ, вода зажженной свѣчкой по строкамъ и сковыривая ногтемъ воскъ, которымъ густо закапаны страницы Устава. „Также припѣваемъ и третій псаломъ „На рѣкахъ Вавилонскихъ“, говоритъ онъ вслухъ, перевертывая страницу, отходя отъ окна и начиная облачатся.

Заутреня мнѣ нравится меньше, чѣмъ обѣдня. Въ заутреню въ алтарѣ для меня мало хлопотъ, и мнѣ скучно. Въ обѣдню разводится жаровня, и, пока она стоитъ и дымитъ на паперти, вокругъ нея собираются мальчишки. Они заглядываютъ сверху, въ самые горячіе уголья, а то, присѣвши на корточки, однимъ глазомъ глядятъ въ круглыя боковыя отверстія или дуютъ въ нихъ. Мальчишки слушаются меня, поглядывая на меня съ благоговѣніемъ. Когда жаровня разгорится, я побѣдоносно несу ее, раскалившуюся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до-красна, черезъ всю церковь въ алтарь, высоко держа ее за самые концы ножекъ надъ головами, гремя всѣмъ ея старымъ желѣзомъ, ведя за собою ватагу ребятишекъ и всѣмъ этимъ пугая старухъ, которыя поспѣшно сторонятся. „Охъ, этотъ поповъ малый! того и гляди—глаза выжжетъ“, ворчатъ онѣ. Послѣ „Херувимской“ въ жаровню ставится мѣдный чайникъ съ водою для теплоты; потомъ нужно разрѣзать антидоръ, выносить теплоту; въ обѣдню нужно еще считать „проскомидныя“ деньги, читать поминанья... Въ заутреню ничего этого нѣтъ, и прихо-

дятся стоять смиренно, и дѣдушка заставляетъ молиться. „Э-ка, ты развалился“,—говоритъ онъ, замѣтивши, что я засунулъ руки въ карманы и прислонился къ печкѣ.

Я хлопочу около кадила. Сдѣлавши два зажженныхъ восковыхъ огарочка, я кладу ихъ на дно кадила, вмѣстѣ съ ладаномъ, а надъ огнемъ нагромождаю маленькіе угольки. Угольки начинаютъ скоро краснѣть, и тогда я, надувши щеки, изо всѣхъ силъ раздуваю угольки, такъ что кружится голова, и зеленѣетъ въ глазахъ. Дѣдушка мало обращаетъ вниманія на то, въ какомъ положеніи кадио, и лишь не любить, когда я кладу очень много ладану: „задушилъ ты совсѣмъ“,—говоритъ онъ, щуря отъ дыму глаза и отмахивая его отъ лица рукою. Но о. діаконъ строгъ. Замѣтивши, что кадио мало дымитъ, онъ поднимаетъ его высоко, до уровня рта и, дунувши на него, громко говоритъ мнѣ: „э, братецъ, у тебя нѣтъ тутъ ничего!“... Онъ даже, повидимому, любитъ, если во время кажденія въ кадилѣ ярко вспыхиваетъ огонь, который сверкаетъ на золотѣ иконостаса, на окладахъ иконъ, на парчѣ облаченій, особенно—когда ловкимъ движеніемъ о. діаконъ описываетъ кадиломъ въ воздухѣ кругъ, обращаясь, послѣ кажденія на народъ, опять къ иконамъ.

Для пѣнія „На рѣкахъ Вавилонскихъ“ достается обиходъ. Оба дѣвчонка протяжно и старательно поютъ, одинъ,—махая рукою, а другой,—пристукивая ногой. Въ особенно трудныхъ и важныхъ мѣстахъ Петровичъ для чего-то защищаетъ лицо лѣвою ладонью, точно хочетъ отгородиться отъ всѣхъ и остаться самъ съ собою. Имъ подтягиваетъ бѣлокурый Иванъ Антоновъ, который знаетъ наизусть всѣ прмсы, а когда поетъ, то запрокидываетъ голову, устремивъ глаза куда-то въ высоту и какъ будто что-то тамъ отыскивая. Совершая каженіе въ это время гдѣ-нибудь въ отдаленной лѣвой сторонѣ храма, гдѣ ярко горятъ свѣчи на „кануи“, и гдѣ становится много нищихъ, дѣдушка вдругъ присоединяется къ поющимъ, не стѣсняясь удаленностью отъ клироса и подпѣвая звучнымъ, почти дѣтскимъ, голосомъ: „како воспоемъ гѣсьнь Господню на земли чуждой!“... А то на слова поющихъ „Дщи Вавилоня“ отзовется громкою и рѣзкою скороговоркою: „окаянная!“ Или, при пѣніи: „блаженъ, иже иметъ и разбіетъ младенцы твоя о камень“, дѣдушка, какъ бы въ назиданіе себѣ и стоящимъ, говоритъ твердо и

рѣшительно: „вотъ такъ и со всякимъ грѣхомъ надобно расправляться“... Молящіяся привыкли ко всему этому, не выражая нимало удивленія, почтительно сторонясь и отвѣшивая поклоны ниже пояса въ отвѣтъ на каженіе.

Съ обѣдней сѣднать на Прощеный день. „Нужно дать время всѣмъ блиновъ наѣсться, накататься, а послѣ вечерни и по домамъ—прощаться“,—говоритъ Петровичъ, знающій всѣ обычаи деревни. Поэтому, о. діаконъ еще въ среднѣ заутрени начинаетъ на жертвенникѣ все готовить. Онъ что-то передвигаетъ, вытряхиваетъ, оглушительно сдуваетъ пыль, громко сметаетъ съ жертвенника большимъ, бѣлымъ крыломъ. Онъ—очень глухъ и потому все дѣлаетъ громко: тяжело и громко двигаетъ по каменному полу ногами въ валенкахъ, обшитыхъ кожей, громко говоритъ, громко кашляетъ, громко считаетъ деньги. Къ концу заутрени въ церкви становится совсѣмъ свѣтло. Въ восточное окно алтаря начинаетъ ударять солнышко, и въ лучахъ его плаваетъ и колыхается кадилый дымъ; длинный, пологій лучъ чрезъ южную алтарную дверь ударяетъ на клиросъ, и Петровичъ то и дѣло притворяетъ дверь съ изображеніемъ св. архидіакона Стефана. Въ церкви народу прибавляется: подвѣзаютъ изъ деревень.

Изъ задней удаленной части храма доносится дѣтскій плачь; тамъ гремятъ ведрами и льютъ воду. „Крестины-тамъ“,—коротко докладываетъ Петровичъ, войдя во время перваго часа въ алтарь. Послѣ заутрени дѣдушка направляется туда, за нимъ—Петровичъ, неся крестильный ящикъ и тетрадь для записи. Около купели и окна, на которомъ разложено что-то бѣлое, уже хлопочетъ высокая старуха Арина, которая съ незапамятныхъ временъ „ходитъ“ въ повивальныхъ бабкахъ. У нея—веселое лицо, потому что новорожденный—мальчикъ. „О имени Твоемъ, Господи Боже истинны“,—читаетъ дѣдушка молитву, положивши руку на голову младенца, который копошится гдѣ-то тамъ, въ грудѣ пеленокъ и одѣяла,—„и Единороднаго Твоего Сына, и Святаго Твоего Духа, возлагаю руку мою на раба Твоего... Какъ звать?“—громко спрашиваетъ онъ.—Иваномъ, батюшка, Иваномъ, кормилецъ, Иваномъ...—подбѣгаетъ и радостно подсказываетъ Арина. „Іоанна“,—продолжаетъ дѣдушка,—„сподобившагося прибѣгнути ко святому имени Твоему“... Ре-

бенокъ, закутанный сверхъ одѣяла шубой держащей его крестной матери, слабо и глухо покрикиваетъ. „Запрещаетъ тебѣ Господь, діаволе, пришедшій въ міръ и вселившійся въ человѣцѣхъ, да разрушитъ твое мучительство и чело-вѣки изметъ,—Иже на древѣ сопротивныя силы побѣди, солнцу померкшу, и земли поколебавшейся, и гробомъ отвер-зающимся, и тѣлесемъ святыхъ встающимъ... Изыди и от-ступи отъ созданія сего, и да не возвратишия, ниже утаи-шия въ немъ... Но отыди во свой тартаръ, даже до уго-тованнаго великаго дне суднаго.

Убойся Бога, сѣдящаго на херувимѣхъ и призраю-щаго бездны, Его-же трепещутъ ангели, архангели, престолы, господства, начала, власти, силы, многоочити херувими, и шестокрилати серафими, Его-же трепещетъ небо и земля, море, и вся, яже въ нихъ"... Дѣдушка увлекается и какъ будто грозитъ кому-то пальцами правой руки, которою онъ потрясаетъ надъ требникомъ. Крестная мать, съ озабочен-нымъ и напряженнымъ лицомъ, раскачивается взадъ и вне-редъ, похлопывая рукой по ребенку и шубѣ. Крестный отецъ, высокій, простоватый малый, твердо стоитъ на своемъ мѣстѣ, изрѣдка косясь на свою куму и новорожденнаго и какъ будто недоумѣвая: зачѣмъ же онъ тутъ стоитъ, и что ему дальше дѣлать? Петровичъ, пользуясь тѣмъ, что дѣдушка занятъ чтеніемъ молитвъ, спѣшитъ сдѣлать записку. Удалив-шись къ окну, онъ отбираетъ свѣдѣнія отъ Арины и, по-стоянно макая перо въ жидкія, водянистыя чернила, нетвер-дою рукою выводитъ буквы и слова. Оттуда слышно: „А мать какъ звать?“—Какую: родную аль крестную?—„Родную, а то какую же?“—Коли родную, такъ Матреной.—„А по батюшкѣ?“—Кого?—„Аминь! Господи, помилуй!“—спѣшно возглашаетъ Петровичъ, не отрываясь отъ письма: однимъ ухомъ онъ прислушивается къ тому, что происходитъ тамъ, у дѣдуш-ки. „Вва-а-а! вва-а-а! вва-а-а!“—отчаянно кричитъ младенецъ, котораго дѣдушка быстро и умѣло погружаетъ въ холод-ную воду и потомъ кладетъ его, краснаго, мокраго и дро-жащаго, на холстину, разостланную на рукахъ крестнаго отца. Тотъ неловко и испуганно, выставивъ впередъ руки, держитъ младенца, не зная, что съ нимъ дѣлать, пока опыт-ная и проворная Арина не препровождаетъ младенца опять къ крестной матери, въ пеленки, одѣяло и шубу. Петро-

вичъ, скороговоркой читая низкимъ басомъ—„блажени, ихже оставишася беззаконія, и ихже прикришася грѣси“, звучно льетъ изъ ведра воду дѣдушкѣ на-руки. „Е-елицы во Христа креститесь-а-а“,—загѣваетъ дѣдушка дрожащимъ голосомъ и знаками приглашаетъ кума съ кумой слѣдовать за собою, вокругъ купели. Арина шепчетъ обоимъ на-ухо, настави-тельно и выразительно жестикулируя и толкая ихъ сзади. Тѣ нерѣшительно идутъ, осторожно и неловко ступая по мокрому около купели полу. Арина, сложивши руки, съ улыбкой смотритъ на все это, довольная и счастливая тѣмъ, что все дѣлается, какъ нужно. Послѣ крещенія дѣдушка, снимая облаченіе, говоритъ куму и кумѣ: „теперь, миленькіе, вынесите-ка воду и вылейте въ оградъ, къ сторонкѣ, на чи-стенское мѣстечко“, Арина беретъ новорожденнаго, и кумъ съ кумой, взявши купель за ручки, несутъ ее, стараясь не расплескать воду и балансируя свободными руками.

За обѣдней, вмѣсто причастнаго стиха, всегда поютъ: „сѣде Адамъ прямо рая“. Дѣдушка это любитъ и на кли-росѣ знаютъ, что онъ это любитъ. Петровичъ заранѣе при-готовляетъ для пѣнія старья, пожелтѣвшія ноты. „Сѣде А-адамъ пря-амо рая“,—высокимъ теноромъ выводитъ бѣло-курый Иванъ Антоновъ, безошибочно уловившій тонъ, ко-торый всегда задаетъ другой дьячекъ Василій Алексѣевъ легкимъ гудѣніемъ. „И свою-у-у-у наготу... рыда-а-а-ая и пла-акаше“,—вторитъ ему съ чувствомъ дьячекъ Василій Алексѣевъ. „Ра-аю мой... ра-аю... прекра-а-а-асный мой рай!“—дружно и жалостно поютъ всѣ. Дѣдушка плачетъ въ алта-рѣ при этихъ словахъ. „Въ землю пойду, отъ нея же взять быхъ“,—грустно и внушительно отчеканиваетъ басомъ Пе-тровичъ.—Да,—раздумчиво и качая головой, сквозь слезы приговариваетъ дѣдушка,—непремѣнно всѣ пойдемъ: „земля еси, и въ землю отыидеши“...—Въ концѣ обѣдни дѣдушка произноситъ проповѣдь Путятина: „аще отпущаеше человѣ-комъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небе-сный“. Народъ двинулся къ поставленному на амвонъ ана-лою: мальчишки влѣзли на самый амвонъ и обтѣпили ана-лой, мужики стали тѣснымъ и внушительнымъ полукругомъ, изъ дальнихъ угловъ потянулись бабы съ сокрушенными лицами. Дѣдушка выходитъ изъ алтаря, протираетъ очки бѣленькимъ, съ красными каймами, платочкомъ, надѣваетъ

очки, спустивши ихъ низко, на самый кончикъ носа, а платочекъ кладетъ около себя, на аналоѣ. Петръ Михайловъ приготовился слушать, собравши кожу на лбу и сдѣлавши плаксивое лицо. Иванъ Алексѣевъ опустилъ глаза въ землю и еще больше поникъ головою. Но Кузьма Григорьевъ все свое вниманіе сосредоточилъ на мальчишкахъ. Мальчишки, размѣстившіеся на ступенькахъ амвона и облѣпившіе аналоѣ, и во время проповѣди продолжаютъ свою возню: потихоньку щиплютъ другъ друга за-волосы и за-уши, незамѣтно вставляютъ другъ другу въ уши кончики волосъ, выдернутыхъ тутъ же у сосѣда, выхватываютъ другъ у друга картузы и шапки, залѣзаютъ въ карманы... Кузьма Григорьевъ не выдерживаетъ и, подкравшись, начинаетъ щипать за-волосы, за-уши, раздавать щелчки и колотушки по всѣмъ бѣлокурымъ, чернымъ, рыжимъ головамъ. Мальчишки сначала захихикали, стали прятаться одинъ за другого, потомъ притихли. Дѣдушка говоритъ звучно и выразительно, выговаривая больше на „о“, нѣкоторыя слова не разбираетъ и потому книжку поднимаетъ надъ аналоемъ, поворачивая ее къ свѣту. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ поднимаетъ голосъ, стучитъ ногтями пальцевъ по аналою, въ чувствительныхъ мѣстахъ онъ всхлипываетъ, беретъ платочекъ, утираетъ, приподнявши очки, слезы и опять кладетъ платочекъ около себя на аналоѣ. Онъ рассказываетъ про двухъ монаховъ, которые были въ ссорѣ; одинъ не хотѣлъ мириться, когда другой пришелъ за этимъ. Но вотъ, этотъ другой, по совѣту старца, себя въ душѣ осудилъ, а своего врага оправдалъ, и съ этими мыслями пошелъ мириться. „И не успѣлъ онъ,—говоритъ дѣдушка дрогнувшимъ голосомъ, обведя всѣхъ пристальнымъ взглядомъ,—и не успѣлъ онъ постучать въ дверь кельи, какъ тотъ отворилъ ее и упалъ на колѣна, навстрѣчу брату:—прости меня, милый братъ мой!..“—Дѣдушка совсѣмъ плачетъ, снимаетъ очки, утирается и громко кашляетъ. Петръ Михайловъ кулакомъ смахиваетъ набѣжавшую слезу, Иванъ Алексѣевъ утирается полой шубы, бабы плачутъ и еле достаютъ до глазъ кончиками платковъ, которыми повязаны ихъ головы, даже мальчишки присмирѣли. На клиросѣ разрозненными, неуверенными голосами допѣваютъ послѣднее „буди имя Господне“... Дѣдушка уходитъ въ алтарь, унося съ собою книгу, платокъ, очки.

Послѣ обѣдни вездѣ празднично, но какъ-то по-особенному: прощальнымъ и умылымъ вѣть ото всего. Послѣдній разъ отслужили въ ризахъ цвѣточками, а теперь будутъ все въ черныхъ, которыя дѣдушка всегда надѣваетъ какъ-то бокомъ, и сидятъ онѣ на немъ какимъ-то неуклюжимъ горбомъ. И въ самихъ иконахъ, и въ тоненькихъ свѣчкахъ, которыя кое-гдѣ будутъ слабо мерцать, будетъ особенная строгость и сухость. „Господи помилуй“ будутъ пѣть своеобразнымъ напѣвомъ, а канона и прмосовъ и совсѣмъ не узнаешь. „И наведе на нихъ Господь воду морскую, сннове же израилевы проидоша сушею посередъ моря!“—возгласитъ Петровичъ, глядя въ одну книгу. Василий Алексѣевъ прочитаетъ что-то по другой книгѣ. „Направиши ноги ваши на путь миренъ!“—опять возгласитъ Петровичъ по своей книгѣ, а Василий Алексѣевъ прочитаетъ по своей. И мягкихъ просфоръ не дождешься цѣлую недѣлю. А въ среду и пятницу о. дьяконъ будетъ приносить изъ холодной церкви антидоръ въ видѣ маленькихъ, холодныхъ, засохшихъ кусочковъ. Для благовѣста вовсе не нужно будетъ влѣзать на колокольню: будутъ дергать снизу за веревку и ударять рѣдко и протяжно и только на концѣ ударять три раза часто. На улицѣ дома и окна въ послѣдній разъ смотрятъ такъ празднично и весело. Не будетъ разряженного, праздничнаго народа,—сапей съ росписными задками,—наборной упряжи съ ярко украшенными дугами. Будутъ мужики въ рваныхъ, короткихъ шубахъ, съ огромными черпаками на плечахъ или ведрами на веревкахъ въ рукахъ гонять лохматыхъ лошадей и коровъ на водопой, возить дрова, а бабы—ткать холсты и на всю избу стучать „бердомъ“ или, наскоро повязавши на-голову старый платокъ и надѣвши въ одинъ рукавъ шубу, забѣгать къ сосѣдкѣ за корытомъ или пряжей. Въ домѣ у насъ завтра же непременно начнется стирка, нанесеть въ комнату мерзлаго холоднаго бѣлья, и будетъ очень неуютно. А что будетъ вмѣсто румяныхъ, душистыхъ блиновъ, густой сметаны, вкуснаго творогу! Увы,—будетъ въ изобиліи черный хлѣбъ, картофель, огурцы, капуста, квасъ, темнокрасная свекла, моченые черные сухари. Даже холодно дѣлается, и мурашки бѣгаютъ по спицѣ при видѣ холоднаго

квасу, большихъ, желтыхъ соленыхъ огурцовъ, къ которымъ прилипли мокрые листья смородины. Бабушка, пожалуй, варить и горячее; но мнѣ дѣлается скучно отъ этой бурой горячей жидкости, въ которой плаваютъ гречневая крупа, а бабушка, кушая ее и обжигаясь, говоритъ: „хоть душу немножко погрѣть“. Моя мать, бабушка и всѣ женщины нашего дома говорятъ, что Великій постъ—очень хорошее время. Но я знаю, почему онѣ такъ говорятъ. Онѣ всѣ усадутся въ теплой, свѣтлой и уютной комнатѣ за работой: кто-прясть, кто-шить, кто чулки—вязать, а веселое мартовское солнце будетъ ярко и радостно свѣтить въ окна, а съ соломенной крыши, надъ окнами будетъ весело журчать вода. Потомъ кто-нибудь взглянетъ на часы и скажетъ: „однако уже первый часъ, пора и обѣдать“. Я же въ это время буду сидѣть въ пыльномъ, вонючемъ и неуютномъ классѣ, предомной будетъ лежать латинская грамматика, по которой постомъ всегда проходятъ степени сравненія, которыя я такъ не люблю. Вихрястый и ушастый Кропилинъ, вызванный учителемъ, будетъ или молчать, шевеля губами и что-то какъ-будто разсматривая на потолокъ, или съ натугой, тягуче выговаривать: „bonus... melior... optimus... malus... peior... pessimus“... Веснушный Меліоранскій будетъ переводить басни Эзопа: „in cornu tauri parva sedebat musca“... А учитель, держа пожелтѣвшими отъ куренья пальцами красную ручку надъ клѣтками журнала, будетъ приготовляться обоимъ вывести по жирной двойкѣ. Оба будутъ плакать и растирать глаза и лицо грязными руками.

Дома въ послѣдній разъ ѣдятъ блины. Блины пекутъ въ кухнѣ, черезъ сѣни, и я ношу ихъ. Придя въ кухню съ пустой тарелкой, на которой лишь „для подстилки“ остается холодный блинъ, я стою и смотрю, какъ Марья печетъ блины. Она какою-то жидкостью быстро—быстро намазываетъ горячую сковороду, при помощи тряпки, навязанной на лучину, отчего отъ сковороды поднимается паръ. Но вотъ, Марья, держа сковороду особеннымъ хватомъ или „чапельникомъ“, подноситъ ее къ кадкѣ съ блинами и, зачерпнувши въ ней большой и широкой деревянной ложкой или „половникомъ“, льетъ бѣлую, густую массу тѣста на сковороду,—масса громко шипитъ, растекаясь по сковородѣ. Марья наклоняетъ сковороду во всѣ стороны, чтобы тѣсто лучше растеклось по

сковородѣ, и блинъ былъ бы тоньше, а потомъ быстрымъ, привычнымъ движеніемъ направляетъ сковороду въ печку, на горячіе уголья, позади которыхъ ровнымъ пламенемъ горятъ дрова. Послѣ этого Марья или стоитъ, опершись на ухватъ и глядя пристально во внутренность печки, или выхватываетъ оттуда испекшійся блинъ, живо отдѣляетъ его концемъ ножа отъ сковороды, и блинъ—румяный и дымящійся—красуется у меня на тарелкѣ. Набравши блиновъ цѣлую стопу, я быстро бѣгу съ ними въ „горницу“ и съ размаху ставлю ихъ на столъ.—„Охъ, малый,—говоритъ бабушка, укоризненно качая головой и разбирая блины,—ты или голову себѣ расшибешь, или посуду переколотишь... Ну, что ты летишь, какъ бѣшеный!“—Бабушка не-спѣша намазываетъ блины пучкомъ изъ перьевъ, макая его въ растопленное масло. Подавая блинъ дѣдушкѣ, она говоритъ; „на, отецъ, ты любишь поджаристый“. На послѣднихъ дняхъ масляницы появляется икра, которую купили въ городѣ въ берестяныхъ круглыхъ и высокихъ коробкахъ¹⁾. Бабушка собственноручно раздаетъ икру всѣмъ членамъ семьи, отколупывая ее ножомъ и постоянно заглядывая въ глубину коробки: не слишкомъ ли тамъ убавляется?.. Получивши икру, дѣдушка не сразу ее ѣсть, а почему-то качаетъ головой.

— Ты что качаешь головой?—спрашиваетъ его бабушка.

— Да такъ,—уныло отвѣчаетъ онъ.—Святитель Тихонъ Задонскій плакалъ, когда садился за свой скудный столъ: у бѣдняковъ, молъ, совсѣмъ печего ѣсть. А мы, вишь, икру ѣдимъ...

— Что же, отецъ, и намъ всѣмъ, стало-быть, плакать?—не безъ ироніи спрашиваетъ бабушка, въ польоборота поглядывая на дѣдушку. Тотъ нѣкоторое время молчитъ, медленно пережевывая блинъ съ икрой и какъ будто соображая, что отвѣтить, потомъ говоритъ наставительно:

— А что же? „Подражай сего плачевное житіе и спасиися“...—Бабушка начинаетъ благодушно сердиться.

— Житіе... Что ты, отецъ! Какой кусокъ послаже въ кои-то вѣки увидишь за столомъ, и то ужъ онъ въ душу не идетъ отъ твоего „житія“... право. Настанетъ чистый понедѣльникъ—плачь тогда, сколько хочешь... Ишь вѣдь какъ

¹⁾ Въ прежнія времена икра эта была очень дешевая, не болѣе 40 к. за фунтъ.

скажетъ-то: плачевное житіе! А вотъ, какъ позовутъ васъ на поминки, особенно побогаче, вотъ вамъ и веселое житіе! — Дѣдушка продолжаетъ сохранять серьезный видъ, но ниже наклоняетъ голову: — Это... это... — дѣдушка еле удерживается отъ смѣха, — это — что добро или что красно, но еже жити брати вкушѣ! — Вотъ это прекрасно! — съ жаромъ подхватываетъ бабушка. — Какъ у васъ поминки, такъ и „брати вкушѣ“, а какъ намъ послаже поѣсть, такъ и „плачевное житіе!“ — Дѣдушка бросаетъ напускную серьезность и раздражается не-удержимымъ хохотомъ, качаясь всѣмъ корпусомъ и ударяя ладонями по колѣнамъ. Потомъ онъ успокаивается и, продолжая ѣсть, говоритъ тихо, не глядя на бабушку: — тебя не переспоришь, ты вѣдь ученая: азъ — буки выучила и ангель — ангельскій! —

И не прельщаюсь такими сладостями, какъ икра: я больше интересуюсь блинами и сметаной. Чтобы побольше ее захватить, я дѣлаю изъ блина воронку и ею стараюсь зачерпнуть сметаны, какъ можно, больше. Бабушка косо поглядываетъ на эти мои дѣйствія. — Ужъ очень ты хитеръ, мальчишка, — шепчетъ она. Иногда я возьму блинъ, прокусываю въ немъ круглыя отверстія для глазъ и надѣваю его на лицо, но дѣлаю это такъ, чтобы бабушка это видѣла, а дѣдушка не видѣлъ: дѣдушка не любитъ, чтобы за столомъ смѣялись. Бабушка — смѣшливый человѣкъ и, завидѣвши мои проказы, не можетъ удержаться отъ смѣха. Но она боится дѣдушки, старается удержаться, закрываетъ ротъ рукою, но отъ этого смѣхъ одолеваетъ ее еще больше. Бабушка не выдержала и прыснула. Дѣдушка косо, изъ-подъ лобья глядитъ на нее, потомъ отводитъ глаза и говоритъ тихо, но очень серьезно: — „объядохся, ошихся, безъ ума смѣялся“... въ монастыряхъ читаютъ за трапезой, а ты“... — Бабушка пугается и выдаетъ меня: — „я, отецъ, не виновата, робко говоритъ она, — это вотъ онъ“... — Почувявъ надвигающуюся бѣду, я судорожно проглатываю блинъ „съ глазами“ и, схвативши тарелку лечу въ кухню за блинами. Тамъ я нарочно остаюсь долго и, когда возвращаюсь, то гроза уже прошла. Дѣдушка благодушень, совѣтуетъ всѣмъ вставать изъ-за стола, наѣвшись не до-сыта, непременно вспоминая свою мать, которая, бывши великой постницей, говаривала, что

изъ-за стола нужно выходить, пока еще хочется ѣсть. Впрочемъ, помолившись Богу, дѣдушка непременно говоритъ: — „а, кажется, я съѣлъ лишнее“.

Послѣ блиновъ дѣдушка одѣвается. — „Пойти — для заговѣнья коровкамъ сѣнца дать“, — говоритъ онъ какъ бы самъ съ собою, надѣвая шапку: — „блаженъ, иже и скоты милуетъ“. — Для корма коровамъ дѣдушка мѣшаетъ („струшаетъ“) сѣно съ соломой; но въ большіе праздники и въ прощенное воскресенье коровамъ дается одно сѣно. На дворѣ ослѣпительно — ярко отъ февральскаго солнышка и снѣга. Подъ соломеннымъ навѣсомъ полумракъ, уютно, пахнетъ сѣномъ, навозомъ и особеннымъ пріятнымъ зимнимъ воздухомъ, пропитаннымъ запахомъ двора. Завидѣвши дѣдушку, коровы начинаютъ радостно мычать. — „А-а, дурашки, почували сѣно“, — ласково говоритъ дѣдушка, направляясь въ ригу черезъ заднія ворота. Ворота скрипятъ тяжело и жалобно. Рига находится въ концѣ сада. Въ саду высокіе сугробы снѣга. Тропинка, засоренная соломой и сѣномъ, вьется среди оголенныхъ вишенъ, до половины ушедшихъ въ снѣжные сугробы. Въ ригѣ также уютно, пахнетъ сѣномъ, хлѣбомъ и холодомъ. Вверху, въ темнотѣ воркуютъ голуби, а дѣломъ черезъ открытыя ворота съ радостнымъ пискомъ свують ласточки: подъ крышей, по всѣмъ жердямъ много сѣвлено ихъ гнѣздъ. Тихо и мирно. Дѣдушка граблями достаетъ пахучее сѣно и набиваетъ имъ огромную кормовую корзину, кряхтя, взваливаетъ ее на спину, крѣпко держась обѣими руками за веревку, которая глубоко врѣзалась ему въ плечо. Сгибаясь подъ тяжестью своей ноши, дѣдушка возвращается по саду. Корзина цѣпляется за голыя вѣтви деревьевъ; вѣтви скользятъ и трещатъ, захватывая клочья сѣна; сѣно сначала остается на качающихся вѣтвяхъ, потомъ тихо падаетъ на снѣгъ. Коровы опять радостно мычатъ, встрѣчая дѣдушку. — „Погодите, погодите, милыя“, — говоритъ онъ, толкая обратно корзиной ворота, которыя съ шумомъ и скрипомъ захлопываются. Дѣдушка разравниваетъ сѣно на два вороха и одинъ ворохъ оставляетъ подъ навѣсомъ для пестрой коровы, а другой несетъ на открытый дворъ — для рыжей. — „Рыжая — она мудреная и обидчица: сейчасъ отгонить пеструю“, — говоритъ самъ со собою дѣдушка. Пестрая радостно потянулась къ сѣну и начала ѣсть. Она забираетъ

губами въ ротъ былинки сѣна и лѣнливо пережевываетъ ихъ, тупо глядя предъ собою и изрѣдка переставляя ноги. Но вотъ, рыжая оставила свое сѣно, быстро направляется къ пестрой и рѣшительно угрожаетъ ей рогами. Пестрая покорно оставляетъ свое сѣно и направляется къ вороху, оставленному рыжей. Но не успѣла она приняться за новое сѣно, какъ рыжая опять ее отгоняетъ, и пестрая покорно идетъ къ своему прежнему сѣну. — „Э, голубушка, такъ нельзя“, — говоритъ дѣдушка, наблюдающій все это, и загоразиваетъ проходъ подъ навѣсъ жердями. — „Вотъ такъ-то и люди дѣлаютъ, завистливые и злые, — продолжаетъ онъ, поднимаясь на скрипучее крылечко. — Все имъ мало своего, дай — возьми чужое... Охъ, Господи, Господи! И сама тварь съ нами воздыхаетъ и плачетъ“... — Дѣдушка обиваетъ снѣгъ ногою — ногу и скрывается въ темнотѣ сѣней.

Послѣ блиновъ въ домѣ воцаряется тишина. Изъ всѣхъ угловъ слышно только храпѣніе, иногда легкой свистъ или ровное дыханіе спящихъ людей. Кто-нибудь застонетъ во снѣ, звучно пожуетъ губами или заворочается на скрипучей деревянной кровати; а то встанетъ и пойдетъ попить квасу, посмотритъ на часы, зѣвнетъ, перекрестится и пойдетъ на свое прежнее мѣсто, и опять тишина и ровное дыханіе спящихъ... Или кошка вздумаетъ мягко и беззвучно побродить по комнатамъ, потрется о ножку стола, помяукаетъ у входной двери, потомъ также неслышно направится въ спальню, прыгнетъ на лежанку и, свернувшись клубкомъ, начнетъ сладко и сонно мурлыкать. Тихо. Только часы, при наступившей тишинѣ, стучать торопливо, рѣзко и отчетливо, какъ будто спѣшать во время сна людей скорѣе сработать свою работу и уйти впередъ, — да яркое солнышко заливаетъ всю комнату, играя въ зеркалѣ и бросая яркія пятна на потолокъ.

Меня въ часы отдыха выпроваживаютъ изъ дома. „А то вѣдь онъ никому соснуть не дастъ“, — говорятъ про меня. Я, взявши салазки, отправляюсь кататься. На улицѣ ослѣпительно свѣтло, такъ что послѣ темныхъ сѣней глаза сами собою щурятся. Съ крыши на солнечной сторонѣ капаетъ вода, звучно шлепая по снѣгу. За воротами сразу чувствуется, какъ все полно радостнаго движенія. Ближе къ базару, по обѣимъ сторонамъ длинной улицы стоитъ густая,

извозничья поминутно дождо и вмятой кимовельской, — черная толпа зрителей. Всѣ крылечки почернѣли отъ народа. Входныя двери трактировъ поминутно открываются и закрываются, испуская пронзительныя вопли отъ блоковъ. Въ отворенныя двери трактировъ вырываются на улицу безпорядочныя голоса и визгливая гармоника. Длинная вереница катающихся змѣей извивается по широкой улицѣ, заворачивается въ отдаленіи и вытягивается по другой сторонѣ. Послѣ поворота нѣкоторыя лошади пускаются вскачь, но потомъ, догнавши впереди ползущую вереницу, идутъ шагомъ, красиво помахивая головами и позвякивая бубенцами. Обшивни, росписныя козырьки¹⁾, розвальни густо наполнены бабами, дѣвками въ яркихъ разноцвѣтныхъ платкахъ и шаляхъ, — румяными, грызущими подсолнухи; все хохочетъ, визжитъ, распѣваетъ пѣсни. За кучера возсѣдаетъ какой-нибудь мальчуганъ въ красномъ шарфѣ и огромной шапкѣ, которая сползаетъ ему на глаза. Мальчуганъ то-и-дѣло поправляетъ ее, старается сидѣть на козлахъ бодро и молодецкато и, проѣзжая мимо толпы зрителей, зычно кричитъ на лошадь, чмокаетъ озябшими губами, дергаетъ возжами, махаетъ кнутомъ, не доставая до лошади и ударяя кнутовищемъ по санямъ и оглоблямъ. Но потная и взерошенная пѣгашка не привыкла бѣгать рысью; отягченная непривычной для нея наборной сбруей и точно придавленная высокою, цвѣтистой дугой, сначала запрыгада, быстро-быстро заработала мохнатыми короткими ногами, потомъ, отмахнувшись отъ кнута хвостомъ, пошла прежнимъ шагомъ, помахивая упрямой головой и нѣжно позванивая маленькимъ колокольчикомъ подъ шеей. Вонъ изъ цѣпи катающихся вырвалась пара сытыхъ лошадей; сани крыты яркимъ, наряднымъ ковромъ. Богатый лавочникъ, одѣтый въ лисью шубу, перетянутую зеленымъ кушакомъ съ длинными концами, сѣдя рядомъ съ женой, закутанной въ большую, съ рую шаль, выставилъ одну ногу, поставивши ее на отводъ саней, избоченился, туго натянулъ возжи. Красивыя сѣрыя лошади, мягко позванивая бубенцами, стали обгонять катающихся, толпа шарахается въ сторону. Лавочникъ подстегиваетъ пристяжную, — она пускается вскачь, красиво извиваясь, загнувъ на бокъ голову и натянувъ постромки. Ковровыя сани, выбравшись на свободу, замелькали вдоль ули-

¹⁾ Особый родъ саней съ деревяннымъ задкомъ.

цы, провожаемая взорами и одобрительными возгласами толпы. За ними пустилась было и пѣгашка, но скоро же ебилась, запрыгала, колокольчикъ подъ шеей залился, заболтался... Толпа загоготала. Надо всей улицей стоитъ гулъ, смѣхъ, пѣсни, людской праздничный гомонъ, перемѣшанный съ безпорядочнымъ звономъ колокольцевъ, бубенцевъ, ржаніемъ и фырканьемъ лошадей. Людно, шумно, весело и пьяно. Я не любилъ и не люблю масленичнаго разгула. У насъ не было своихъ лошадей, и я никогда масленицей на лошадяхъ не катался. Мнѣ хочется быть поближе къ природѣ, и я иду кататься съ горы къ Окѣ. Мнѣ нравится, какъ салазки оставляютъ слѣды по снѣгу, и я сворачиваю съ дороги и иду цѣликомъ. Двѣ узенькія полоски вьются за мною: точно отъ настоящихъ большихъ саеней! Между двухъ изгородей садовъ, расположенныхъ по склонамъ горы, есть узкій и длинный спускъ къ Окѣ. Здѣсь никто не ѣздитъ; только бабы ходятъ за водой по этому спуску. Онѣ быстро, почти бѣгомъ, идутъ внизъ, весело гремя пустыми ведрами, и тихо поднимаются вверхъ, сгибаясь подъ тяжестью ведеръ, наполненныхъ водою, и часто останавливаясь, чтобы перевести коромысло съ одного плеча на другое. Сквозь узкій просвѣтъ между деревьями видно, точно въ панорамѣ, углубленіе замерзшей Оки и дуга, покрытые бѣлой пеленой снѣга. По бѣлому простору дугъ разсыпались ветога. Покрытые, точно придавленные снѣгомъ, они чуть поднимаютъ свои бѣлыя остроконечныя верхушки. За дугами густо синѣетъ узкая зубчатая полоса далекаго хвойнаго лѣса. Тихо тутъ, уединенно, вольно и свободно дышется. Сюда сходится много мальчишекъ кататься. Наверху горы шумъ, смѣхъ, веселые дѣтскіе голоса. Одни изъ ребятишекъ, приготовляясь катиться съ горы, усаживаются на салазки, подвѣртывая подъ себя оборванныя шубенки, двигаютъ салазки ногами назадъ и впередъ, кричатъ громко тѣмъ, которые внизу; другіе лѣниво и устало поднимаются въ гору, таща за собою салазки; совсѣмъ маленькіе, одѣтые въ длинное платье взрослыхъ, обвязанные грязными платками, съ посинѣвшими отъ холода губами, съ завистью смотрятъ на катающихся, поминутно втягивая въ себя содержимое носа, которое отъ холода выстываетъ наружу. У мальчишекъ салазки почти всѣ „съ подрѣзами“, то-есть желѣзными подосами подъ по-

лозьями; къ полозьямъ сверху приделана длинная доска, на которой усаживаются двое, трое и болѣе. Когда такія салазки мчатся внизъ по накатанному мѣсту, то издають рѣжущій ухо, визжащій звукъ. Мои салазки—въ видѣ санокъ, съ посланной въ нихъ соломой, катятся мягко. Я сажусь на салазки верхомъ, дожидаясь очереди катиться.—„Миколка, что-же ты?“—кричитъ мой пріятель Мишка, который уже усѣлся на салазки, позади какого-то мальчугана, отъ котораго изъ-за спины Мишки видны только остроконечная шапка да огромныя, бѣлыя валенки. Мишкины салазки готовы двинуться, но сѣдокъ удерживаетъ ихъ, упершись растопыренными ногами въ снѣгъ. Очередь катиться за рыжимъ, веселымъ Миколкой. Онъ готовится: сморкается на отмашь, размазавъ все лицо, утирается овчиннымъ концомъ своей шубенки. Но вотъ, онъ усѣлся, подобралъ полы шубенки, нахлобучилъ шапку, отпихнулся ногами и покатился внизъ, волоча по землѣ правой рукой въ огромной рукавицѣ и давая направленіе салазкамъ. Въ снѣжной пыли только замелькала Миколкина шапка. Двинулись и Мишка съ мальчуганомъ. Сейчас двинусь и я.—„А-а-а! о-о-о! э-э-э!“—закричали, загоготали, засвистѣли наверху. Что это? Миколкины салазки неожиданно потеряли направленіе, вскочили на боковой снѣжный бугоръ, ударились о шетень, перекинулись, сбросивши Миколку. Миколка зарылся въ снѣгу,—„Э-эхъ ты, рыжій!“—успѣлъ ему крикнуть на-лету Мишка, салазки котораго просвистѣли мимо. Мои салазки катятся мягко и ровно, развивая все большую и большую скорость. Жутко и пріятно. Морозный воздухъ гудеть въ ушахъ, морозная пыль обдаётъ лицо, рѣжетъ и колетъ его, словно иглами. Справа мелькнули салазки и Миколка, копошащіяся въ снѣгу. Мои салазки вылетаютъ на просторъ, сворачиваютъ въ пологую канаву, спускаются съ одного ската и взлетаютъ на другой, врѣзываются въ глубокій снѣгъ; отъ толчка я валюсь на-бокъ. Мои руки, лицо зарылись въ снѣгу; снѣгъ набился мнѣ за воротъ, въ рукава, въ валенные сапоги; руки стали мокрая и окоченѣлыя. Я отряхиваю платье, болтаю руками, чтобы высыпать снѣгъ изъ рукавовъ, прыгая на одной ногѣ, снимаю съ другой сапогъ и высыпаю набившійся туда снѣгъ. Очень не хочется подниматься на гору. Въ тѣлѣ пріятная истома; такъ бы и бухнулся отды-

хать въ мягкій пушистый снѣгъ. Но дѣлать нечего: таща за собой салазки, еле переставляя ноги, лѣниво плетусь въ гору. Вонъ, далеко впереди меня поднимается совѣмъ оправившійся Миколка, сзади него везетъ салазки Мишка, а рядомъ съ нимъ ползаетъ мальчуганъ въ огромной остроконечной шапкѣ.

IV.

Солнце спустилось къ западу. Вечерняя, зимняя тѣнь отъ деревьевъ легла по снѣгу. Пора и домой! На селѣ все гомонъ, колокольцы и бубенцы. Но вотъ, сверху, точно съ неба, неожиданно и мягко пронесся, въ вечернемъ воздухѣ звукъ колокола,—пронесся, прогудѣлъ и замеръ. Къ вечернѣ! Опять колокольцы и бубенцы... рѣжущіе ухо, безпорядочные, назойливые, какъ будто не хотятъ они уступать колоколу. Но колоколъ, какъ будто сознавая свою силу, ударилъ во второй разъ... опять замолкъ, точно ждалъ, что образумятся колокольцы, потомъ—въ третій... и понеслись, поплыли надъ селомъ эти звуки, равномерные, властные, настойчивые, царящіе надъ землей. Среди этихъ звуковъ прорываются и гомонъ людской, и шумъ, и колокольцы. Но колоколъ не хочетъ уступить имъ, онъ забралъ силу, онъ выше ихъ, покрываетъ ихъ. Его бархатные звуки крѣпнутъ, ширятся, плывутъ надъ селомъ, расходятся по снѣжнымъ полямъ, спускаясь подъ гору, къ рѣкѣ, разносятся по дугамъ и достигаютъ синѣющаго, задумчиваго лѣса. Закрепился православный народъ, потянулся къ церкви. Вечерній звонъ сразу переноситъ мысли къ слѣдующему дню. И какъ будто жаль, что прѣшла масляница, и вмѣстѣ радостно, что идетъ что-то великое, святое, родное, и все оно спускается оттуда,—съ колокольни, откуда льются равномерные торжествующіе звуки колокола. И сама церковь—высокая и бѣлая, озаренная заходящимъ солнцемъ, точно говоритъ всѣмъ: „смотрите, какая я бѣлая, чистая и святая! теперь настаетъ мое время, идите ко мнѣ, и вамъ будетъ легко и отраднѣе...“

Въ церкви покойно и тихо послѣ уличнаго шума и движенія. Пахнетъ народомъ, овчинными шубами и ладаномъ; этотъ запахъ не успѣлъ еще выйти послѣ обѣдни. Староста

отпираетъ замки, снимаетъ желѣзные болты, выдвигаетъ и задвигаетъ ящики, пересыпаетъ деньги. Лица у всѣхъ умыты, голоса немного хриплые, какъ всегда бываетъ у спавшихъ послѣ обѣды людей. Въ церкви болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, чувствуется, что наступаетъ нѣчто новое, важно-строгое, совершенно непохожее на шумъ, катанье, блины, колокольцы.

Дѣдушка, отдернувши завѣсу, сказалъ начальный возгласъ, на клиросѣ зачитали, и въ церкви все закрестилось, задвигалось, зашевелилось... „Одѣйся свѣтомъ, яко ризою, простираяй небо, яко кожу“,—говоритъ въ полголоса Петръ Михайловъ, предупреждая дьячка, потомъ кашляетъ затяжнымъ кашлемъ, плюетъ на полъ и растираетъ ногой. „Полагаяй облака на восхожденіе свое, ходяй на крилу вѣтреню“,—читаетъ Петровичъ. Мнѣ представляется высокая вѣтряная мельница за нашимъ селомъ, которая лѣниво машетъ огромными крыльями. „Возсія солнце... и изыдетъ человекъ на дѣло свое и на дѣланіе свое до вечера“. Раннее лѣтнее утро. Лучи солнца ложатся по землѣ длинные и пологіе. Росно и прохладно. По селу перекликаются пѣтухи. Изъ околицы въ поле понуро идутъ лошади, волоча за собой сохи и бороны; молчаливые и хмурые мужики или сидятъ верхомъ, свѣсивши длинные ноги въ лаптяхъ, или шагаютъ по густой пыли, рядомъ съ лошадыо. „Солнце позна западъ свой“... Огромное, круглое, багровое солнце спускается за зубчатую полосу далекаго лѣса. Въ село „пустили“ стадо. Разношерстные коровы, свиньи, овцы движутся по улицѣ живой, пестрой, сплошной массой. Въ воздухѣ—пыль, оглушительное блеянье, мычанье, щелканье кнутовъ... „Положица есть тьму, и бысть ночь“... Заря догораетъ на западѣ, на небѣ тамъ и сямъ замигали звѣздочки, по селу раздаются запоздалые голоса, около жилья, въ прозрачномъ лѣтнемъ сумракѣ быстро носятся и мелькаютъ летучія мыши; на востокѣ встаетъ огромная, кровавая луна.

„Не отврати лица Твоего отъ отрока Твоего, яко скорблю, скоро услыши мя“...—жалостно поютъ на клиросѣ. Да, конечно, такъ и слѣдуетъ пѣть послѣ масляничнаго разгула. Только что же это значитъ—„отъ отрока Твоего“? Неужели всѣ люди теперь—мальчики въ рубашечкахъ, подпоясанныхъ поясочками? „Яко да поста преплывше вели-

молясь въ оградѣ на церковь.—„Это Аксинья убивается по мужь... Будетъ тебѣ, Аксиньюшка,—говорить онъ голосомъ ласковымъ и сострадательнымъ склоненной женской фигурѣ, —у тебя—дѣти, пожалѣй себя для нихъ“...—Бабы стали поднимать съ земли Аксинью, отряхивая съ нея снѣгъ.

Тихо въ оградѣ, тихо на улицѣ. Только далеко лаютъ собаки, гдѣ-то скрипятъ ворота, хлопаютъ калитка, да галки воятъ на колокольнѣ. Онѣ болтливо переговариваются, убираясь на ночлегъ. Какая-нибудь вспорхнетъ на веревку, протянутую между маленькими колоколами, и въ вечерней тишинѣ вдругъ прозвучитъ неожиданный, тонкій, нѣжный звукъ. Ка-га-га, ка-га-га...—болтаютъ еще больше галки, испуганные колокольнымъ звукомъ. Въ домахъ зажигаются огни. Въ домѣ Петровича, на окнахъ задернуты красныя занавѣски, и на нихъ мелькаютъ и перекрещиваются тѣни. Вонъ въ крайнемъ окнѣ обрисовывается тѣнь массивнаго самовара; тѣнь руки колышется и движется около крана.

V.

Въ нашемъ домѣ тепло и уютно и все по-праздничному. Самоваръ, клокочущій и гудящій, распустилъ цѣлые облака пара. Лампа подѣ бѣлымъ колпакомъ, на которомъ отчетливо видны домики, собачки и маленькіе люди, бросаетъ мягкій свѣтъ на бѣлизну скатерти, чайную посуду съ цвѣточками, вазы съ вареньемъ, вкусныя лепешки, сдобные сухари, густое молоко въ молочникѣ. Увы, все это въ послѣдній разъ. Я спѣшу подставить стулъ и усѣсться поближе къ лепешкамъ. Но мои дѣйствія не ускользаютъ отъ вниманія бабушки.

—„Нашъ пострѣлъ вездѣ поспѣлъ,—говоритъ она. Приди самъ царь, онъ и царя не побоятся—подвинетъ стулъ и сядетъ на первое мѣсто“.—На другомъ столѣ разставлены закуски: желтая соленая рыба, крошенная кусочками, заливная свѣжая рыба—бѣлая и прозрачная, селедки, стопа блиновъ. Въ графинѣ съ водкой плаваютъ куски лимонной кожицы; одна бутылка, темная и непроницаемая,—угрюмый медвѣдь, который присѣлъ на заднія ноги, на другой бѣлѣтъ приклеенная бумажка съ надписью: „вишневая“. Дѣдушка находится въ безпокойномъ состояніи,—въ этомъ со-

стояніи онъ находится всегда, когда ожидаетъ гостей—онъ то подходитъ къ зеркалу, чтобы пригладить свои сѣдые волосы, то, наклонивши голову подѣ колпакъ лампы, смотритъ на огонь, убавляя его или прибавляя, то передвигаетъ, — неизвѣстно для чего,—молочникъ на мѣсто сахарницы, а сахарницу на мѣсто молочника, то, наклонившись надъ самоваромъ и открывши крышку, смотритъ въ трубу, а потомъ обнаруживаетъ рѣшительное намѣреніе дунуть въ самоваръ, на уголья. Последнее приводитъ бабушку въ ужасъ. —„Отецъ, что ты дѣлаешь?—воскликаетъ она,—ты весь столъ пепломъ задашь“!—„А то онъ что-то замолчалъ“,—кратко говоритъ дѣдушка, отходя отъ стола. Заложивши руки за спину, онъ начинаетъ взадъ и впередъ грузно ходить по комнатѣ, изрѣдка поглядывая на часы.—„Ну, вотъ, а теперь сталъ маршировать, какъ солдатъ на ученьѣ“,—иронически замѣчаетъ бабушка, грѣя спину у печки. Дѣдушка вдругъ выпрямляется, вытягиваетъ руки по швамъ и начинаетъ дѣйствительно маршировать по комнатѣ большими шагами, приговаривая: „разъ-два, разъ-два“. Дверь отворяется, и въ темнотѣ прихожей обрисовывается длинная, бѣлая борода.

— Экой морозецъ славный Господь послалъ, такъ за уши и хватаетъ,—звучно говоритъ вошедшій. Бѣлая борода принадлежитъ церковному старостѣ Захару Ѳомичу. Захаръ Ѳомичъ откашлялся, выморкался и осанисто выступилъ изъ прихожей, держа въ рукахъ длинный и узкій, бѣлый пирогъ. Такихъ пироговъ, а также баранокъ, калачей, постныхъ куличей съ фигурами и изюмомъ въ старья, добрыя времена много приносили въ нашъ домъ въ прощеньй день. Все это бабушка складывала и выносила на холодъ, а на первой недѣлѣ подавала къ вечернему чаю (утренняго не полагалось). Принесенные съ холоду и имѣвшіе даже запахъ холода, съ пустотой внутри, откуда всегда въ изобиліи сыпалась мука, эти длинные пироги изъ темноватой муки, среди сухояденія первой недѣли, казались очень вкусными. Я даже не сразу приступалъ къ этому лакомству, а, положивши кусокъ пирога рядомъ съ мелкими кусочками сахару, отпущенными на мою долю, утолялъ сначала голодъ чернымъ хлѣбомъ, оставляя пирогъ „на-заѣдку“. Потомъ Захаръ Ѳомичъ, придерживая пирогъ лѣвой рукой, мо-

лится иконамъ, потомъ молча передаетъ пироги бабушкѣ и, сложивши руки для получения благословенія, отчеканиваетъ по-солдатски: „именемъ Господнимъ благослови, отче!“

— Такъ и видно по всему, Ѳомичъ, что ты въ военной службѣ служилъ,—говоритъ дѣдушка, благославляя.

— Такъ точно-съ, при Николаѣ Павловичѣ вѣрно служилъ Престолу и Отечеству,—отвѣчаетъ Захаръ Ѳомичъ, звучно цѣлуя руку дѣдушки.

— Садись, братъ, садись,—приглашаетъ дѣдушка. Захаръ Ѳомичъ садится около стола съ закусками, достаетъ изъ кармана большой, красный платокъ, отираетъ имъ лобъ, приглаживаетъ волосы, обмахиваетъ бороду.

— А я вотъ, Ѳомичъ, предъ своей старухой марширую,—говоритъ дѣдушка, придвигая стулъ и усаживаясь напротивъ гостя.

— Будетъ тебѣ, конфузливо унимаешь бабушка.

— Предъ ихней сестрой нашему брату иногда приходится маршировать-съ церемоніальнымъ маршемъ-съ. Онъ, можно сказать, бывають пуще всякаго командира,—съ знавнѣмъ дѣла говоритъ Захаръ Ѳомичъ.

— Ну, и предъ вашимъ братомъ, бываетъ, намаршируешься,—говоритъ бабушка.

— Ну, ужъ тутъ, матушка, ничего не подѣлаете, тутъ можно сказать, само Святое Писаніе говоритъ, и въ церкви про это читають: „а жена да боится своего мужа“...—Захаръ Ѳомичъ многозначительно поднялъ вверхъ указательный палець.

— Васъ никогда не переспоришь. У васъ чуть что—сейчасъ за Святое Писаніе,—говоритъ бабушка. А въ Писаніи-то вѣдь что-нибудь и про васъ, про мужей, сказано...

— Женѣ подобаетъ быти въ безмолвіи,—какъ будто не слыша бабушкиныхъ рѣчей, съ напускною серьезностью говоритъ дѣдушка, подперши рукою щеку и глядя на огонь.

— А вы все одни говорить будете? Вотъ такъ хорошо будетъ!—съ запальчивостью говоритъ бабушка.—Нѣтъ ты скажи мнѣ: что въ Писаніи про мужей сказано? а?

— Про мужей-то?—Дѣдушка замолкъ, соображая.—А про мужей вотъ что сказано: „мужьямъ оказывать честь женамъ, яко немощнѣйшему сосуду“...—Захаръ Ѳомичъ слушаетъ внимательно, глубокомысленно глядя на дѣдушку и пере-

водя глаза потомъ на бабушку, какъ будто хочетъ сказать: „ну, вотъ, видите!“

— Вотъ, какъ вамъ, мужьямъ сказано, а мужья вотъ къ этому сосуду имѣють большее почтеніе,—бабушка киваетъ головою въ сторону графина и медвѣдя и весело смѣется своей находчивости.

— Ого, Ѳомичъ, вотъ какъ нашего брата!—воскликаетъ дѣдушка и даже ударяетъ слегка по плечу гостя. Ѳомичъ почесалъ затылокъ, захихикалъ въ сѣдые усы и задвигался на стулъ.—Ну, да больше не будемъ съ нею спорить, а то побьетъ она насъ съ тобой: вѣдь она,—ты знаешь,—у меня ученая, и азъ-буки прошла, и до „Блаженъ мужъ“ дошла...—Дѣдушка весело смѣется и, вставши на ноги, наливаетъ изъ графина, въ которомъ плаваютъ лимонная кожица, въ одну рюмку. Дѣдушка, хотя подается нѣсколько рюмокъ, признаетъ только одну и изъ нея подноситъ гостей. Онъ подаетъ налитую рюмку Захару Ѳомичу, но тотъ рѣшительно отказывается, говоря: „впередъ кушайте сами“¹⁾. Дѣдушка уговариваетъ его, и Захаръ Ѳомичъ протягиваетъ руку за рюмкой и хочетъ взять ее; но въ этотъ моментъ дѣдушка тянетъ рюмку къ себѣ, серьезно говоритъ: „постарше тебя есть“, кланяется и пьетъ, запрокинувши назадъ голову, потомъ хохочетъ.

— Экой грѣхъ, экой грѣхъ!—хихикаетъ Захаръ Ѳомичъ,—сколько лѣтъ знаю эту вашу манеру, а все забываю.—Дѣдушка наливаетъ вторую рюмку и подноситъ гостю, говоря: „Segnege me!—слѣдуй за мной!“ Захаръ Ѳомичъ долго не рѣшается взять и эту рюмку, съ недовѣріемъ поглядывая на дѣдушку; наконецъ, несмѣло беретъ, передаетъ ее въ лѣвую руку, правой широко крестится, опять передаетъ рюмку въ правую, говоритъ, кланяясь, „будьте здоровы“ и пьетъ тихо и продолжительно, прищуривши глаза и сморщивши носъ. Потомъ онъ для чего-то похаетъ черный хлѣбъ и закусываетъ соленой рыбой, густо обмакнувши ее въ горчицу. Подходить къ столу и бабушка, и угощаетъ гостя: „кушайте Захаръ Ѳомичъ, милости просимъ“. Захаръ Ѳомичъ пьетъ, крикаетъ, закусываетъ, вынимаетъ красный платокъ, выти-

¹⁾ После азбуки въ старинныя времена принимались за Псалтырь.

²⁾ По деревенскому обычаю первый пьетъ хозяинъ.

раетъ имъ лобъ, глаза, шею, руки повыше кисти. Ему подаютъ чай. Онъ наливаетъ чай на блюдечко, осторожно проводя дномъ чашки по краю блюдечка, чтобы не замочить скатерти, щипцами раскалываетъ сахаръ на мелкіе кусочки, производя это раскалываніе гдѣ-то въ глубинѣ лѣвой ладони, стряхиваетъ съ ладони крошки сахару въ чай, крестится, умѣло и осторожно препровождаетъ полное блюдечко на разставленные и поднятые кверху пальцы правой руки, кивнувъ головой, говоритъ— „ну, будьте здоровы,“—и потомъ уже, дуя, вздыхая, всхлипывая, втягиваетъ въ себя горячую влагу. — *Tarde venientibus ossa!*—возглашаетъ дѣдушка, завидѣвши, что въ темной прихожей раздѣвается еще кто-то. На свѣтъ выходятъ: толстый Павелъ Сидоровъ, съ окладистой бородой и красивымъ глянющимся лицомъ, содержатель трактира съ вывѣской: „Мысль доброй надежды“, и лавки съ продажей: „чаю, сахару, табаку, внутр. приготовленія и прочей разной мелочи“, и Иванъ Борисовъ, съ лысиной и крючковатымъ носомъ, подрядчикъ плотничныхъ работъ. Оба молятся, съ поклономъ передаютъ бабушкѣ пирогъ и связку баранокъ, принимаютъ отъ дѣдушки благословеніе, а съ Захаромъ Ѳомичемъ здоровываются, чуть прикасаясь концами пальцевъ правой руки къ его пальцамъ. Немного погодя, приходятъ: степенный и благообразный мужикъ Корнѣй, съ очень густыми бровями, въ свѣжей и очень пахучей дубленой шубѣ, хозяйка постоялаго двора Агафья Карповна въ большой старинной шали съ „кукушками“, дьячиха Мартыновна въ длинной, черной кофтѣ съ блестящими украшениями, ведя за собой четверыхъ дѣтей въ новенькихъ рубашечкахъ и платицахъ, и дьяконица въ черномъ платьѣ и черномъ платкѣ, туго заколотомъ булавкой подъ самымъ подбородкомъ, что придаетъ ей видъ монахини. Мужчины разсаживаются около стола съ закусками, женщины направляются къ чайному столу. Дѣти, въ гремящихъ ситцевыхъ платицахъ и рубашечкахъ, жмутся къ матери, хоронясь за нее и въ тоже время съ любопытствомъ обозрѣвая все окружающее. Въ домѣ царитъ тотъ особенный гулъ, который бываетъ при гостяхъ, и который я такъ люблю: шумитъ самоваръ, гремятъ посудой, двигаютъ стульями, разговариваютъ, смѣются...

Около стола, гдѣ сидятъ мужчины, шумно и оживленно. Дѣдушка потчуетъ гостей; гости пьютъ и закусываютъ. — „Ха-ха-ха!“—раздается веселый голосъ трактирщика. — „Хе-хе-хе!“—сдержанно смѣется подрядчикъ. Благообразный мужикъ Корнѣй больше молчитъ, постоянно утирая веѣмъ кулакомъ усы и подбородку. У самовара степенно и тихо. Мать разливаетъ чай. Наливши чай, она старательно снимаетъ ложечкой собравшуюся пѣну и отираетъ ложечку полотенцемъ. — „Вотъ молоко, варенье, лепешки,“—угощаетъ бабушка, чуть-чуть подвигая все это. — „Это—вишни съ косточками...“ — „Изъ своихъ варили?“—освѣдомляется дьяконица. — „Изъ своихъ—“утвердительно киваетъ головой бабушка. — „Да нынѣшній годъ онѣ что-то мелки уродились, и мало ихъ было...“ — „А у меня,“—говоритъ дьяконица, — „всего навсего осталась одна баночка малиноваго. И то уберегла про всякій случай: отъ простуды хорошо попить чайку съ малиновымъ вареньемъ да пропотѣть хорошенько. Мой дьяконъ въ прошломъ году...“ — „Да-а, это очень помогаетъ,“—перебиваетъ молчаливая хозяйка постоялаго двора, которая постоянно утираетъ потное лицо платочкомъ, который, сложенный въ комокъ, чуть бѣлѣется въ ея рукѣ. — „А у меня вотъ что-то руки взялись ломить,“—говоритъ бабушка, ощупывая одну руку другой сверху-до-низу. — „Вотъ ломятъ, ломятъ, особенно къ погодѣ, терпѣнья нѣтъ...“ — „А-а-а,“—сочувственно качаютъ головами женщины, дѣлая скорбныя лица. — „А вы, матушка, растирайте ихъ керосиномъ, и всего лучше въ банѣ,“—говоритъ дьячиха, допивши чай и отодвигая опрокинутую на блюдечко чашку. — „У меня,“—я вамъ скажу, — „такъ то ломили ноги... Вотъ какъ взялись ломить, вотъ какъ взялись ломить: ночей не сплю, жизни не рада! И заходить къ намъ однажды странница, осталась ночевать. „Иду,“—говоритъ, — „въ Старый Іерусалимъ“. Услыхала она ночью, какъ я кричу отъ ногъ, и говоритъ она мнѣ: „ты, милая, растопи себѣ баню, да распарься хорошенько, да натри ноги керосиномъ“... Я такъ и сдѣдала. И что же? Богъ далъ, съ тѣхъ

поръ полегчало, а то просто хоть ложись да помирай... И вы, матушка, такъ сдѣлайте: свѣтъ увидите.

Дѣти, сначала робко выглядывавшія изъ-за платя дѣвичихи—Мартыновны, по-немногу ободряются, и уже слышно, какъ кто-то изъ нихъ, робко поглядывая то на бабушку, то на яства чайнаго стола, тихо шепчетъ матери: „мама, дай сухарика“. Мать все это старается замять, одергивая гдѣ-то сзади наивнаго просителя. Насъ всѣхъ, дѣтей, отдѣльно поятъ чаемъ съ сухарями и лепешками. Я скоро соображаю, что на моей обязанности лежитъ занимать маленькихъ гостей и потому я усаживаю ихъ играть въ карты, въ „короли“. Скоро я „выхожу“ въ короли и беру дань самыми лучшими картами съ маленькаго „мужика“ въ новенькой розовой рубашечкѣ, который просидѣлъ сухарика. Это—последняя игра въ карты, потому что послѣ прощенаго дня карты тщательно мною завертываются въ бумагу, запечатываются сургучемъ и убираются до будущихъ святокъ въ поудный шкафъ со стеклами, на самую верхнюю узенькую полочку, въ которой вырѣзаны мѣстечки для чайныхъ ложекъ. Нашъ дѣтскій смѣхъ и споры при игрѣ сливаются съ общими оживленными голосами. Иногда, впрочемъ, почему-то вдругъ всѣ смолкаютъ, прислушиваясь къ голосу одного кого-либо, который завладѣваетъ общимъ вниманіемъ: только изрѣдка кто сдержанно кашляетъ или помѣшаетъ ложечкой въ стаканъ, и лишь самоваръ не подчиняется общему настроенію, а, воспользовавшись наступившей тишиной, гудеть и гудеть...

— Хорошо-съ,—осторожно и вкрадчиво рассказываетъ толстый трактирщикъ, по обычаю, о томъ, что съ нимъ случилось во время поѣздокъ,—дѣло было зимой, передъ самымъ зимнимъ Миколой. Ъхаль я на своемъ сѣромъ изъ города съ работникомъ своимъ Артѣмомъ,—такой дурковатый парень!—Ночь была мѣсячная, хоть садись да книжку читай, видно все вокругъ, какъ на ладони. Проѣхали мы Огрызково, а тутъ,—знаете,—дорога-то поворачиваетъ вправо, потомъ спускается въ маленькую лошинку.—Разказчикъ ладонью правой руки сначала махаетъ направо, потомъ плавно опускаетъ ее внизъ.—Хорошо-съ. Только вижу я: что-то мой сѣрый храпнуть да уши вытянуть. Что за притча!—думаю себѣ.—Артѣмъ,—говорю,—что это сѣрый храпнуть?—А онъ и говоритъ: „я, Паль Сидорычъ, не знаю“. А самъ,

можете представить!—вотъ какъ спитъ, закрылся воротникомъ... Смотрю я: а по лошинкѣ-то идутъ себѣ тихонько... другъ за дружкой... три волка, идутъ себѣ,—знаете,—черезъ дорогу, и все тутъ...

— И-и-и!—въ одинъ голосъ восклицаютъ женщины около чайнаго стола, качая головами.

— Хорошо-съ,—продолжаетъ разказчикъ, довольный произведеннымъ впечатлѣніемъ.—Идутъ себѣ и идутъ... Батюшки мои! началъ я тутъ молиться всѣмъ святымъ угодикамъ, а по спинѣ,—знаете,—морозъ пошелъ. Сѣрый мой такъ и пятится, такъ и рвется. Я его этакъ отпрукиваю. Началь я толкать своего работника: Артѣмъ,—говорю,—Артѣмъ! А онъ: „что?“—говоритъ.—Это, молъ, волки. А онъ: „гдѣ?“—говоритъ.—А я говорю: вонъ они.—Обомлѣлъ мой парень, началъ креститься...

— Ну, что же было въ концѣ концовъ?—спрашиваетъ Захаръ Ѳомичъ при общей тишинѣ.

— Ничего-съ,—отвѣчаетъ разказчикъ,—Богъ помиловалъ насъ. Перешли волки дорогу и идутъ себѣ по снѣгу другъ за дружкой. Мы себѣ ѣдемъ тихо, и они идутъ тихо, какъ овцы. Я сижу ни живъ, ни мертвъ, дышать боюсь, только лошадь одерживаю. Проѣхали мы съ полверсты или меньше, на бугорокъ выбрались,—оглянулся я: а мои волки чуть-чуть чернѣются. Тронулъ я тутъ возжами своего сѣраго... и пошла моя лошадь, и пошла, и пошла...—Разказчикъ даже выставилъ обѣ руки впередъ, какъ будто бы держалъ ими возжи.—Вдругъ слышу: благовѣсть! Господи, помилуй! откуда это,—думаю? А это сторожъ, видно, часы отбивалъ. Гляжу: наша церковь показалась. Перекрестился я тутъ на нее, и даже слеза меня прошибла... Отлегло тутъ у меня отъ сердца. А то ужъ совсѣмъ собирался я умирать...—Всѣ молчатъ нѣкоторое время, какъ бы не смѣя нарушить общей тишины. У меня мурашки бѣгають по спинѣ, и я съ ужасомъ воображаю, какъ это всѣ гости въ темнотѣ пойдутъ домой.

— Стало быть, Паль Сидорычъ, вамъ не положено такую смерть помереть,—прерываетъ молчаніе дьяконица, мѣшая ложечкой остывшій и забытый чай.

— Да,—вздыхаетъ Павелъ Сидорычъ,—значить, мой часъ еще не пришелъ.

— Все—Богъ, други мои, все—Богъ,—какъ будто дѣ-

лая общее заключеніе говорить съ чувствомъ дѣдушка, опустивъ голову и въ раздумьѣ постукивая вилкой о тарелку.

— А вѣдь вотъ,—слыхала я,—говорить дьячиха, утирая губы клѣтчатымъ платкомъ,—волки боятся огня, такъ что сѣно или солому нужно зажигать, или вотъ, кто съ колокольцами ѣдетъ...

— Э-эхъ,—поныкая головой, говоритъ молчаливый и степенный Карнѣй,—коли волки голодные, да особливо растревожить ихъ, такъ тутъ, хоть костеръ разжигай, да во всѣ колокола звони, они тебя разорвутъ и съѣдятъ со всѣми косточками.

— А вотъ, въ какой-то духовной книгѣ читали,—говоритъ бабушка, растягивая слова:—хорошо при опасности „Живый въ помощи Вышняго“ читать. Ёхали какіе-то люди на лошадяхъ, и лошади испугались и понесли... да прямо въ пропасть. Стали эти люди молиться и читать „Живый въ помощи“, и лошади, какъ вкопанные, остановились у самой пропасти...

— Да, это псаломъ упованія,—подтверждаетъ дѣдушка,—и тамъ сказано: „яко ангеломъ Своимъ заповѣсть о тебѣ сохранить ты во всѣхъ путѣхъ твоихъ, на рукахъ возмутъ ты“...

— У Бога всего много,—со вздохомъ говоритъ при наступившей опять тишинѣ подрядчикъ плотничныхъ работъ.

Бьетъ девять часовъ. Послѣдній ударъ замеръ при общемъ безмолвіи, и часы пошли опять стучать и стучать, а маятникъ—поспѣшно ходить изъ стороны въ сторону, сверкая при огнѣ своимъ блестящимъ кружкомъ. Дѣти начинаютъ зѣвать, растираютъ руками глаза и жмутся къ матери, шепча ей на-ухо: „мама, домой“. Мать гладитъ дѣтей по головамъ, поправляетъ рубашечки и шепчетъ имъ на-ухо что-то успокоительное. Поднимаются: Захаръ Ѳомичъ, молчаливый Карнѣй и за ними другіе. Женщины тоже поднимаются, стоя пока въ сторонѣ и ожидая очереди прощаться.—„Ну, простите насъ Христа ради“,—говоритъ Захаръ Ѳомичъ дѣдушкѣ; онъ нѣсколько разъ сначала киваетъ головой, какъ бы раскачиваясь, потомъ съ усиліемъ опускается на колѣни и кланяется дѣдушкѣ въ ноги, цѣлуетъ его руку и потомъ

цѣлуется съ нимъ. За нимъ подходятъ и кланяются въ ноги остальные. У толстаго трактирщика дрогнулъ голосъ, и онъ краснымъ платкомъ вытеръ глаза. Дьячиха съ дьяконицей кланяются, вздыхая и приговаривая: „простите Христа ради, отецъ Иванъ!.. простите, матушка!“

— И вы простите меня, старика: болтливъ я безъ мѣры и васъ на грѣхъ наводилъ...—совсѣмъ плаксивымъ голосомъ говоритъ дѣдушка, вытирая ладонями слезы.—А ты, Паша, что разнюнился?—и смѣясь, и плача, треплетъ дѣдушка по плечу трактирщика, притягивая его къ себѣ за шею и цѣлуя. „Паша“, грузно поднявшись съ полу, отряхиваетъ колѣнки и громко сморкается въ красный платокъ.—„Всѣ мы окаянные предъ Богомъ, и больше ничего,—прерывающимся голосомъ говоритъ онъ,—что ни ступилъ, то согрѣшилъ“...

— Да,—трясетъ дѣдушка съдой головою, „како отвѣщаю безсмертному Царю? или коимъ дерзновеніемъ воззрю на Судію блудный азъ?“...—Всѣ стоятъ въ молчаніи, понуривши головы и потупивши глаза.—„Омойтесь и чисти будете!“—воскликаетъ дѣдушка, возвысивши голосъ и поднявши правую руку, такъ что вся фигура его напоминаетъ пророка.—Согрѣшилъ—такъ кайся, упалъ—скорѣй поднимайся, осквернился—скорѣй омывайся, а не лежи въ грязи, какъ свинья... Силь нѣту?—еще громче говоритъ дѣдушка, какъ будто отвѣчая кому-то на возраженіе,—такъ скорѣй хватайся за ноги Спасителя, приставай, докучай: „Господи, не могу! силь не хватаетъ“...—Женщины повинимали платки и утираютъ глаза. Карнѣй густо сдвинулъ брови.

— Ну, Господь съ вами, ребятушки,—тихо и кротко говоритъ дѣдушка,—идите съ Господомъ домой, а то ужъ десятый часъ...—Всѣ скучились въ прихожей, разбирая шапки, рукавицы, платки, платье.—Да вина ужъ больше дома не пейте, ни-ни-ни!—весело смѣясь, грозитъ дѣдушка пальцемъ. Всѣ дружно смѣются, кланяются и благодарятъ, идутъ въ дверь, толкая другъ друга и спотыкаясь въ темнотѣ о порогъ. За мужчинами уходятъ женщины и дѣти. Дѣдушка кричитъ вслѣдъ дьячихѣ:—ты, Мартыновна, скажи своему Петровичу, чтобы онъ... того... завтра не спѣшилъ къ завтрашнему вечеру, онъ знаетъ тамъ: „вечеряго ради утѣшенія“...

VI.

Въ комнатѣ стало сразу очень тихо и очень пусто. Всѣ нѣсколько минутъ не знаютъ, что дѣлать: точно всѣ не въ силахъ отрѣшиться отъ только что пережитыхъ впечатлѣній. Бабушка для чего-то тихо передвигаетъ на столѣ посуду, какъ бы не зная, за что теперь хватиться.

— Вотъ и слава Богу!—прерываетъ молчаніе дѣдушка, выводя всѣхъ изъ забытья,—простились... Теперь давайте заговляться.

Ужинъ носить торжественный характеръ. Ради заговѣнья дается и мнѣ немного краснаго вина. Я усиливаюсь ѣсть, какъ можно больше. Но ѣсть совсѣмъ не хочется: и такъ всегда бываетъ въ заговѣнье.

— Вѣдь вотъ грѣхъ какой,—говоритъ бабушка, какъ бы угадывая общую у всѣхъ мысль:—ѣсть, хоть убей, не хочется. Полонъ столъ ѣды, а въ душу ничего не идетъ. А на первой недѣлѣ! съѣлъ бы хоть маленькій кусочекъ рыбки или чего-нибудь, анъ нельзя...

— Отъ юности моя мнози борють мя страсти—говоритъ дѣдушка, вздыхая.

Послѣ ужина остается много рыбы, блиновъ, вообще скоромнаго.—„Куда же намъ дѣвать-то все это?“—говоритъ бабушка въ раздумьѣ, оглядывая оставшіяся яства.

— А велика Марья отнести Ѳеклѣ—сторожихѣ: ребятишки все подберутъ,—говоритъ дѣдушка.—„Дадимъ алчущимъ хлѣбъ и нищія безкровныя введемъ въ дома“,—шепчетъ онъ. Марья появляется въ шубѣ, надѣтою по обычаю въ одинъ рукавъ. Она забираетъ всѣ остатки ужина, завязавши тарелки и блюда въ платки. Ее провожаютъ до калитки. Немного спустя она возвращается.

— Ну, что?—встрѣчаютъ ее всѣ вопросомъ.

— Тамъ ужъ давно всѣ спать полегли,—запыхавшись, отвѣчаетъ Марья.—А потомъ, батюшки мои! только я принесла, Ѳекла не успѣла огня зажечь, ребятишки какъ бросились къ столу! кто съ печки, кто съ лавки, кто съ полу, и давай уписывать за обѣ щеки!..

— Ну, иди убирать посуду,—говоритъ бабушка Марья,—да приходи прощаться.

Убрали со стола, подмели полъ. Пришла Марья. Зажгли лампадку. Дѣдушка сидитъ на диванѣ, опираясь на вытянутыя руки. Всѣ тоже сѣли.

— Ну, давайте Богу молиться,—говоритъ дѣдушка, съ усиліемъ поднимаясь съ дивана. Всѣ встаютъ и молятся. „Боже, очисти мя грѣшнаго,—молится дѣдушка вслухъ. Марья, еле обрисовывающаяся въ темной прихожей, начала громко вздыхать и кланяться въ землю, падая на вытянутыя руки.

— Прости меня, Иванъ Ивановичъ,—тихо говоритъ бабушка и низко склоняется передъ дѣдушкой, касаясь концами пальцевъ правой руки пола.

— Э-э, старая, кланяйся въ ноги,—смѣется дѣдушка:—законъ такой.

— И-и, отецъ, у меня вовсе колѣнки не гнутся,—говоритъ бабушка, но все-таки съ трудомъ опускается на колѣна и кланяется. Дѣдушка помогаетъ ей подняться съ пола и съ нѣжностью цѣлуетъ ее.

— И ты прости меня, старая,—растроганнымъ голосомъ говоритъ онъ. Дѣдушка креститъ бабушку и опять цѣлуетъ ее въ голову. Подходитъ моя мать и прощается, кланяясь дѣдушкѣ и бабушкѣ. Я всѣмъ кланяюсь въ ноги.

— Простите меня, грѣшницу окаянную!—говоритъ Марья слезливымъ голосомъ, выходя изъ прихожей и не сгибна, какъ въ церкви, кланяясь всѣмъ въ землю и касаясь лбомъ пола.

— Богъ тебя проститъ, Марьюшка,—отвѣчаетъ ей бабушка,—и ты меня, грѣшницу, прости: можетъ, когда обидѣла, попрекнула... Всѣ мы, грѣшныя, такіе-то...

Всѣ расходятся по своимъ угламъ и молятся Богу. Въ домѣ тишина, прерываемая то шепотомъ молящихся, то кашлемъ и зѣваньемъ, то глухимъ стукомъ земныхъ поклонновъ. „Милосердія двери отверзи намъ“,—шепчетъ бабушка, а потомъ „поминаетъ“: „іерея Ѳеодора, іерея Іоанна, младенца Александру“... Я молюсь въ залѣ, около печки: мнѣ хочется спать, руки висятъ, какъ плети, ротъ раздирается отъ зѣвоты, глаза закрываются... Дѣдушка молится около своей постели, за которую держится, когда опускается на колѣна. Сокрушенный шепотъ его то совсѣмъ стихаетъ, то усиливается и сопровождается всхлипываніями. „И не яко че-

ловѣкъ, но и горже скота,—слышно изъ спальни,—вольныя моя грѣхи и невольныя, вѣдомыя и невѣдомыя, я же суть отъ юности и отъ науки злы"...—Дѣдушка начинаетъ говорить громко и съ остановками, какъ будто вдумываясь въ каждое слово:—„или нищѣ прииде ко мнѣ, и презрѣхъ его, или брата моего опечалихъ, или кого осудихъ, или развеличахся, или разгордѣхся, или разгнѣвахся... Или грѣху брата моего поемѣхся, моя же суть безчисленная согрѣшенія!“—совсѣмъ громко взываетъ онъ. Дѣдушка поминаетъ за упокой императоровъ, много архіереевъ, архимандритовъ, много іереевъ, діаконовъ, чтецовъ и множество рабовъ Божіихъ. Забывши какое-нибудь имя, онъ съ напряженіемъ припоминаетъ его, третъ рукой лобъ, издавая протяжное „э-э-э...“, и, не вспомнивши, громко спрашиваетъ всѣхъ: „а какъ бишь его... что утонулъ въ половодье? Кузьма? да, да, Кузьма, Кузьма... а эту длинную старуху, у которой она лошадь убила?.. Лукерья?.. И всѣхъ, заповѣдавшихъ мнѣ, недостойному молиться о нихъ“... Дѣдушка нѣкоторое время стоитъ на колѣнахъ или лежитъ совсѣмъ ницъ и какъ будто плачетъ, потомъ съ трудомъ поднимается, креститъ со всѣхъ сторонъ кровать, читая „Да воскреснетъ Богъ“, цѣлуетъ свой крестъ на черномъ шнуркѣ, креститъ бабушку, которая уже лежитъ въ постели. „Аще обрящени возглавницу мягку, остави ю, а камень подложи Христа ради“...—говоритъ онъ укладываясь на кровати и укрываясь одѣяломъ,—„а у насъ мягкія подушки... Какъ намъ попасть въ царство небесное! Охъ-охъ-охъ“!.. Я забираюсь на дѣдушкину кровать, къ стѣнкѣ, и меня всего охватываетъ чувство уютиности, безопасности и покоя.

Скоро въ домѣ все затихаетъ, но еще никто не спитъ. Въ залѣ стучать часы. Сторожъ въ колоколь ударилъ одиннадцать разъ.—„Эге,—говоритъ въ темнотѣ дѣдушка,—уже одиннадцать... черезъ часъ и постъ начнется... Господи, помилуй! Господи, помилуй! Ночь убо преиде, а день приближися“...

— А что, правда или нѣтъ, будто бы въ самую полночь на прощенный день будетъ второе пришествіе?—говоритъ бабушка.

— Какъ? второе пришествіе? кто же это тебѣ сказалъ?—говоритъ дѣдушка, который началъ уже дремать.

— Да такъ, слыхала я... можетъ быть, и въ какихъ книгахъ написано.

— Сказано: „не вѣсте ни дне, ни часа, въ онъ же Сынъ Человѣческій придетъ“,—говоритъ дѣдушка.

— Или ужъ—потому, что въ нынѣшнюю ночь очень всѣ веселятся и предаются разгулу?—размышляетъ бабушка.

— Охъ, Господи, Господи! вздыхаетъ дѣдушка, стараясь улечься поудобнѣе и ворочаясь на скрипучей кровати. Опять тихо во всѣхъ комнатахъ; слышно уже ровное дыханіе кого-то спящаго.

— А вѣдь страшно будетъ,—говоритъ опять бабушка,—ангелы затрубятъ, огненная рѣка потечетъ...

— Ну, будетъ тебѣ,—говоритъ дѣдушка,—перекрестись и спи себѣ.—Онъ натягиваетъ одѣяло ближе къ головѣ и вскорѣ начинаетъ тихо похрапывать.

Мнѣ дѣлается страшно, сонъ съ меня соскакиваетъ. Я лежу съ открытыми глазами, смотрю въ темноту и воображаю, какъ это будетъ Страшный Судъ. Конечно, такъ, какъ нарисовано на картинѣ въ нашей кухнѣ. Я же и купилъ эту картину на базарѣ и несъ ее домой, свернувши трубочкой; отъ нея хорошо пахло свѣжей краской. Вверху Спаситель сидитъ на престолѣ, по сторонамъ стоятъ: Божія Матерь, Іоаннъ Креститель и множество святыхъ, нѣкоторые въ вѣнцахъ и коронахъ. По темному небу тамъ и сямъ сверкаютъ и змѣются молніи. Во всѣ стороны разлетѣлись ангелы, одежды ихъ развѣваются по вѣтру, они всѣ трубятъ въ длинныя трубы; должно быть, они очень сильно дуютъ въ трубы потому что щеки ихъ напружилась, и изъ трубъ длинною струею выходитъ тонкій паръ. Длинною вереницей праведники идутъ въ рай,—туда, гдѣ сіяютъ въ облакахъ очертанія стѣнъ, башенъ, воротъ, изукрашенныхъ рѣзьбой, какъ въ иконостасѣ. Среди множества праведниковъ видны цари въ коронахъ и порфирахъ, архіереи въ митрахъ, монахи, воины, женщины въ длинныхъ одеждахъ; идетъ множество дѣвъ, юношей и дѣтей, крестообразно сложившихъ руки. Грѣшники идутъ понурые, многіе бьютъ себя кулаками въ грудь; въ толпѣ тоже видѣются и короны, и митры, и монашескіе клобуки. Огромная, тяжелая цѣпь охватываетъ толпу грѣшниковъ, а за цѣпь держатся бѣсы, ко-

торые влекутъ грѣшниковъ въ адъ. Бѣсы—черныя, даже синіе, съ горбатыми носами, съ рогами, крыльями, съ когтями на рукахъ и ногахъ, крючковатыми хвостами, съ лохматыми ногами. Грѣшники тянутся въ подземелье, гдѣ темноту прорѣзываютъ красноватые языки пламени, выекакивающие изъ адекой глубины, гдѣ по всѣмъ направленіямъ бѣсы протянули огромные крючья, кочерги, рогатины, гдѣ обрисовывается страшное рогатое чудовище-дьяволъ, на колынахъ котораго возсѣдаетъ Іуда съ мѣшочкомъ въ рукахъ. Страшный, длинный змѣй, выпустившій острое огненное жало и извергающій изъ огромной пасти пламя, извивается по картинѣ своимъ чернымъ, жирнымъ тѣломъ, а хвостъ его теряется въ глубинахъ ада. Въ самомъ низу—разныя отдѣленія адекихъ мученій, гдѣ корчатся грѣшники; тамъ написано „убійство“, здѣсь,—воровство“, далѣе—„блудъ“, „гнивъ“, „чревоугодіе“, „сребролюбіе“... Кто прикованъ за шею, кто—за руку, кто—за ногу, кого опоясала желѣзная полоса, кто привѣшенъ за языкъ, кто, прикованный за ноги, виситъ внизъ головой. Адекое пламя обнимаетъ грѣшниковъ, обволакиваетъ, лижетъ по всѣмъ направленіямъ своими языками. Глаза у всѣхъ страшныя выскочившіе изъ орбитъ, рты открыты, языки высунуты. Охъ, Господи, какъ страшно! Нѣкоторыхъ грѣховъ я совсѣмъ не понимаю, нѣкоторыми,—я чувствую,—самъ согрѣшилъ. Какъ-то къ намъ пріѣхала одна сѣдая барыня, моя крестная мать. Она подарила мнѣ мелкія серебряныя монеты. Мнѣ велѣли поцѣловать руку у сѣдой барыни, а монеты прибрали въ шкафъ, на полочку. Мнѣ пріятно было думать, что гдѣ-то тамъ, на полочкѣ лежатъ блестящіе серебряныя кружочки съ орлами, цифрами и словами, и они—„мои“. И вдругъ, гдѣ Страшный Судъ, огненные языки, цѣпи, рогатины, тамъ и „сребролюбіе“! Конечно, и я сребролюбецъ!.. Вотъ и напѣ старый дьяконъ, когда, во время говѣнія, читаетъ послѣ заутрени правило, то, произнося „сребролюбіе“, „любостыжаніе“, „самолюбіе“, „славолюбіе“, особенно останавливается на первомъ словѣ и грозно трясетъ головой.

Я напряженно вглядываюсь въ темноту. Въ глазахъ то вспыхиваютъ искры, колеблются свѣтлыя линіи, то опять темно,—темно до того, что, кажется, будто темнота сжимаетъ

голову, дѣзетъ въ глаза и уши, шипитъ и свиститъ въ ухахъ. Но... что это? потолокъ точно раздвигается, вонь—небо, усѣянное звѣздами... Звѣзды шевелятся, дрожатъ, увеличиваются... Впрочемъ, это вовсе и не звѣзды, а свѣтлыя серебряныя и золотыя кружки съ орлами, цифрами и словами. Ахъ, да! вѣдь это сребролюбіе... Свѣтлыя кружки начинаютъ падать, оставляя послѣ себя длинныя, свѣтлыя линіи. Вотъ опять темно. Опять темнота сдавливаетъ голову, плыветъ въ глаза и уши. Гдѣ же свѣтлыя кружки? при нихъ было свѣтлѣе... Вонъ блестящіе стрѣлы сыплются по небу во всѣхъ направленіяхъ, а вонъ змѣются молніи. Ангелы съ крыльями, окутанные бѣлыми, прозрачными одѣянiami, разсѣялись по небу и трубятъ въ длинныя золотыя трубы. Закачались кресты на кладбищахъ, раскрылись могилы, вылѣзаютъ мертвецы. Вонъ вылѣзла и сѣдая барыня и киваетъ мнѣ головой. „Иди, поцѣлуй у нея ручку“, —подталкиваетъ меня сзади кто-то. Брр... рука у нея, навѣрно, холодная, какъ у покойниковъ въ церкви, и только одинъ дѣдушка не боится у нихъ разжимать руку и вкладывать въ нее рукописаніе. Я не иду, упираюсь ногами. Сѣдая барыня вдругъ подняла руку, махнула ею, и изъ руки дождемъ посыпались свѣтленькіе кружочки. Кружочки разсыпались и прилипли на лбу у cadaго изъ грѣшниковъ, которые тянутся въ адъ. У, какъ ихъ много! Идутъ... идутъ... безъ конца идутъ... И у cadaго на лбу огнемъ горитъ: „сребролюбіе“, „сребролюбіе“, „сребролюбіе“... А бѣсы-то, черносиніе, съ крыльями, какъ у летучихъ мышей, съ рогами и хвостами, радуются и пляшутъ вокругъ, держась за тяжелую цѣпь. Куда же они все идутъ?.. Вѣдь тамъ, впереди страшная пропасть... Батюшки, какъ же быть! „А нужно читать „Живыи въ помощи Вышняго“,—слышится откуда-то бабушкинъ голосъ:—вѣдь лошади остановились у пропасти...“—Да вѣдь это же волки идутъ вереницей, а они, навѣрно, перепрыгнуть черезъ пропасть...—„Нѣтъ,—говоритъ еще кто-то,—волки перешли черезъ дорогу и никого не тронули. Вонъ они чернѣются... Вонъ и церковь нашу видно, и въ колоколь ударяютъ. А это—люди...“—Да, тутъ и цари, и архіереи, и воины, и монахи... тутъ и трактирщикъ Павелъ Сидоровъ, и Карнѣй, тутъ и Акинья съ дѣвочкой, обязанной бѣлымъ платкомъ по самыя глаза. Вонъ и еще,

и еще бабы съ дѣвочками... Всѣ онѣ стоятъ, понуривъ головы, надъ бѣлыми могильными холмами, у молчаливыхъ памятниковъ и крестовъ, и всѣ они плачутъ... И бѣсовъ страшныхъ совсѣмъ не видно. Вонъ всѣ задвигались и смѣшались: кресты, памятники, люди, цари, монахи, трактирщикъ, дьячиха Мартыновна съ дѣтмы, Аксинья съ дѣвочкой, и много, много бабъ, дѣвочекъ... Бомъ... бомъ... бомъ... —несутся сверху протяжные удары колокола.— „Что же не идете навстрѣчу Спасителю?—говоритъ дѣдушка.—Вотъ, Онъ идетъ... Вѣдь это для Него ударяютъ. Скорѣе хватайтесь за ноги Его, за платье“...—Что это, въ самомъ дѣлѣ? Спаситель въ свѣтло-голубой сверкающей одеждѣ съ золотой каймой по краямъ,—какъ у насъ, въ церкви, на картинѣ,—кроткій и лучезарный, плыветъ надъ толпой... и опускается въ самую средину ея. Всѣ бросаются къ Нему... и цари, и архіереи, и монахи, и сѣдая барыня, и Аксинья, и много-много дѣвочекъ, мальчиковъ... Всѣ повязаны бѣлыми платками, всѣ плачутъ, хватаются за ноги Спасителя, прижимаются къ Нему, ловятъ Его развѣвающуюся одежду, цѣлуютъ ее, отираютъ ею лица, глаза, слезы... Бомъ... бомъ... бомъ... —„Скорѣе!“—кричитъ дѣдушка.

Я открываю глаза. Въ комнатѣ свѣтло. Лучи утренняго зимняго солнца скользятъ по сугробамъ снѣга въ саду и, отражаясь, играютъ на потолкѣ и стѣнахъ спальни. Дѣдушкина постель пуста.—„Скорѣе будите Сережу къ заутренѣ“.—говоритъ онъ, одѣваясь въ прихожей. Бомъ... бомъ... бомъ... —протяжно ударяетъ колоколъ. Чистый понедѣльникъ!

20498

X

10981